

Ольга Корк
Грязная тайна
Стиллуотера

Добро пожаловать в город,
где живут грехи

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Корк

Грязная тайна Стиллуотера

<https://litres.ru/73779719>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда молодой частный детектив случайно ввязывается в полицейское расследование, он даже не представляет, с чем ему придется столкнуться.

Что может быть общего у жертв?

Какие скелеты скрыты в их шкафах?

Зачем на местах преступлений оставляют странные надписи?

Как это связано с молодой писательницей, которая боится выходить из дома?

И самое главное, чем грозит раскрытие давней тайны, которую пытались похоронить с помощью чужих жизней и больших денег?

Дело обещает быть сложным, ведь Стиллуотер не любит расставаться со своими секретами.

Содержание

Глава 1 Чужой поводок	4
Глава 2 Дзы-инь — щ-шелк	22
Глава 3 Секрет ячейки 314	43
Глава 4 Мэй	61
Глава 5 Приют на холме	76
Глава 6 Подозреваемая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ольга Корк

Грязная тайна Стиллиутера

Глава 1 Чужой поводок

— Пирс, ты что здесь забыл?

Джек, молодой выскочка, как о нем говорили в полицей-

ском участке, пожал плечами, и в свете фонаря сверкнула его белозубая улыбка.

— Не поверишь, Салливан. Просто шел мимо. Смотрю, «Форды» черные стоят, номера знакомые, люди в окна смотрят. Дай, думаю, проверю, что в Гнилом переулке происходит. А здесь ты. И не один.

— Проваливай, Пирс, тебе здесь делать нечего!

Салливан, один из тех уставших копов, что еще пытались в этом городе работать честно, Джека не любил. Слишком тот был чистенький, слишком принципиальный. Правильный и чересчур удачливый.

Когда малыш-Джекки пришел в их участок, сверкая энтузиазмом в глазах, Салливан сразу понял — пацан не выживет в системе. Эта проклятая работа его сломает и не заметит. Не сломала. Пирс оказался зубастым малым и влился в работу как родной. Вот только начальник, тот еще выродок, так и не смог убедить пацана, что быть «белоручкой» — неправильно. Что все копы берут взятки, сдают дела и кормятся с рук самых важных шишек города. Но Пирс... Он и сам принадлежал к семейству, из рук которого многие готовы были жрать даже дерьмо. Один только малыш-Джекки там уродился такой идеальный, правильный, — хотя для семейки Пирсов скорее уж неправильный, — гордый и с во-от такими яйцами! И это тоже злило Салливана, как и многих других старых копов. Потому что в чем-то начальник был прав — все копы так или иначе были нечисты на руку. Даже он,

Салливан. Пусть по мелочи, но все же подмочил репутацию. А Пирс — принципиальный ублюдок — смог остаться верен своим убеждениям. Послал начальника вместе с коллегами в далекое путешествие и уволился к чертям собачьим из участка. Потом воспользовался деньгами семьи, выкупил себе офис, получил лицензию, и вот, посмотрите на него. Джек Пирс, частный детектив. Стоит здесь, в этом грязном переулке, в своей новой фетровой шляпе, в бежевом пальто, и имеет наглость утверждать, что он случайно оказался на месте преступления? Брехня!

Глубоко вздохнув, Салливан смял в кулаке пачку дешевых сигарет и задрал голову. Звезд на небе видно не было. Да и откуда им взяться? Проклятый завод снова работал без перерыва, из старых ржавых труб валил дым, в воздухе разливался едкий запах. А уж в этом районе он и вовсе «прекрасен»: всего в паре-тройке кварталов на север протекала река, давшая название целому городу. Тихая. Правда, она давно уже была официально переименована в Рэд-Крик, но на самом деле была по-прежнему тихая. Молчаливая свидетельница человеческой глупости, жадности, слабости и прочих пороков. Вечная пособница в сокрытии улик, а иногда и трупов. А как иначе? Ее багрово-красные воды уже давно были лишены жизни. Спасибо заводу «Стиллуотер Химикал» — она стала настолько ядовитой, что близко к ней подходить — себе дороже.

— Эй, Салли, — тихий свист за спиной заставил Бруно

Салливана обернуться, — ты чего там застрял?

— Пирс, проваливай, — махнув рукой на выскочку с лицензией детектива, Бруно направился ближе к месту преступления. — Что у вас, Элиот?

Элиот, тощий деловитый судмедэксперт с высокими залысинами и патологической нелюбовью к шляпам, даже не повернулся в его сторону. Он вообще боялся делать резкие движения, ведь рядом с телом, лежавшим в огромной луже крови, в которой отражался свет старого газового фонаря, сидел королевский дог. Черный взрослый пес внимательно наблюдал за каждым движением команды. Ребятам такие пируэты приходилось выполнять, что просто с ума сойти. Они боялись лишний раз шаг сделать, чтобы не спровоцировать пса на агрессию. И в то же время они ничего не могли с ним поделать. На то было несколько причин. Первая — пес определенно был свидетелем преступления. И что с этим делать, пока было не ясно. Вторая — поводок, что тянулся от ошейника огромного черного монстра, в несколько витков обхватывал запястье погибшего. А дураков лезть к трупу, пока Элиот не закончит первичный осмотр, в команде не было. А уж тянуть руки к шее дога — тем более. Рядом с шеей, как известно, еще и пасть располагается с огромными зубами!

— Элиот? — поторопил Салливан.

Ему было мерзко. Промозгло. Под ногами снова были мокрые после дождя булыжники, в щелях между которыми плескалась городская грязь. Да и вообще местечко было

преотвратным. Гнилой переулочок на то и гнилой. Узкий, вонючий, всего-то метра три в ширину, и пара фонарей в наличии. Это им с ребятами еще повезло, что труп лежал как раз недалеко от одного из этих фонарей, а то бы ползали в грязи на карачках с фонариками.

А сейчас только Элиот стоял на коленях на мокрых камнях. Здесь, ближе к трупу, и воздух был другим. К неизменным запахам серы и вони от реки примешивался запах мокрой псины, ржавчины — не иначе как от трубы фонаря, — помоев, ведь недалеко стояли мусорные баки, а еще тонкий сладковато-медный душок крови. И смерти.

— Жертва, белый мужчина. Возраст пятьдесят — пятьдесят пять лет.

Голос Элиота звучал сухо, док привык говорить коротко и по делу. И не отвлекаться на шуточки парней или ругань, когда кто-то из копов вляпается в кучу дерьма. А дерьма в их работе хватало.

— Мышечное окоченение наиболее выражено в нижних конечностях и области челюсти, — между тем продолжал док, методично складывая свои инструменты в саквояж. — По предварительным оценкам, смерть наступила примерно три-четыре часа назад.

Элиот аккуратно поднялся на ноги, чем тут же вызвал недовольное ворчание огромного пса. Мужчина сжимал в одной руке ручки сумки, а в другой — карандаш, которым показывал, как указкой:

— Очки, — кончик карандаша шевельнулся чуть в сторону разбитых очков, что лежали в паре шагов от тела. — Похоже, что без диоптрий. Лучше отдайте на экспертизу, пусть проверят. Шляпа, видишь? Слишком аккуратно лежит. Ее или сбили ударом, когда напали на жертву, или аккуратно сняли и положили рядом. Упала точно не при падении тела. Что еще?

Элиот на мгновение прикрыл глаза, пошевелил губами, а потом, кивнув своим мыслям, продолжил:

— Смотри, основное повреждение — здесь, — док осторожно раздвинул полы мокрого пальто. И, шевельнув карандашом, раскрыл разрезанную ткань пиджака и рубашки. Под мышкой ткань рубашки и пальто была пропитана темной, почти черной кровью. — Единичное колото-резаное ранение. Локализация — проекция левой подмышечной области, в третьем межреберье, по передней подмышечной линии. Многое здесь я не вижу, темно, да и условия для работы, кхм... Точно могу сказать, судя по входному отверстию, рана была нанесена чем-то плоским, шириной примерно три-четыре сантиметра, с односторонней заточкой.

— Нож?

— Вероятно, да. С одной стороны лезвие, с другой, кажется, зазубрины. Пока много не скажу. Следы плохо видны. Могу только предположить, что вам нужен военный нож или охотничий. Что-то такое.

Доктор Элиот Флэнаган едва заметно шевельнул рукой,

мысленно представляя, как мог быть нанесен удар. Только убедившись, что его теоретические представления вполне могут соответствовать истине, сообщил:

— Вероятнее всего, удар был снизу, резкий, с коротким замахом и большой силой. Лезвие вошло почти под прямым углом. И вот тут непонятное. Или убийца точно знал, что делал, или ему очень, просто невероятно повезло.

— Почему? — нахмурился Салливан.

— Потому что если изначальной целью была конкретно подмышечная артерия — это был очень хороший расчет. Почти хирургический выпад.

Видя, что сержант хмурится, Элиот, вздохнув, принялся объяснять:

— Подмышечная артерия — один из главных магистральных стволов. Ее пересечение приводит к профузному, фонтанирующему артериальному кровотечению. Давление в системе падает катастрофически быстро. Сознание пострадавший теряет в течение тридцати секунд из-за острой гипоксии мозга. Смерть от ишемии головного мозга и остановки сердца наступает через одну-две минуты.

— Док, а простыми словами можно? — Салливан бросил хмурый взгляд на Элиота.

Тот, в свою очередь, продолжил говорить, будто и не слышал просьбы Бруно.

Он провел рукой над огромной лужей, очерчивая ее контур.

— Объем кровопотери — не менее полутора литров. И это только то, что вытекло наружу. Еще до литра могло излиться в плевральную полость через раневой канал. Теперь понимаешь?

Салливан только мотнул головой. Его познания в медицине были равны примерно знаниям, какой стороной наклеивать пластырь на ссадину. Все.

Зато кое-кто за его спиной оказался более чем прозорлив:

— Хей, док. Получается, случайно попасть в подмышку — это везение чистой воды? Какие шансы, что при обычной драке был возможен такой удар?

— Драка? — Док покачал головой, — нет, точно нет. Следов борьбы нет. Убийца или готовился к этому удару целенаправленно, или же ваш парень работает в больнице.

— Врач?

— Хирург, мясник, ветеринар. Кто угодно, кто знает анатомию и умеет пользоваться ножом. Ах да, а еще, думаю, он левша. Точнее можно будет сказать позже.

— Спасибо, теперь мои ребята могут собирать улики и искать орудие убийства без помех?

— Конечно, — уголок губ дока дрогнул в намеке на улыбку, — если у вас получится договориться с псом. Кстати, было бы неплохо заглянуть ему в пасть. Если на зубах этого зверя нет кровавых следов или волокон ткани — то, скорее всего, он знал убийцу. Привезите пса на экспертизу.

Судмедэксперт медленно пошел к выходу из Гнилого пе-

реулка, его колени болели после часа, проведенного на мокрой брусчатке, и он был совсем не рад, что согласился этим вечером подменить коллегу. Знал ведь, спокойных ночей в Стиллуотере не бывает. Всегда случается что-то.

— Пирс! — скрипнув зубами, Салливан повернулся к Джеку. — Какого дьявола ты все еще здесь?!

Детектив спокойно стоял, уперевшись плечом в фонарный столб, и что-то быстро строчил в своем блокноте.

— Ой, да брось, Бруно, как будто я не знаю правил и помешаю тебе здесь. Или что, у участка наконец-то появилось достаточное финансирование и все кадровые дыры были закрыты? Нет? Тогда я, может быть, тебе еще и пригожусь, а?

— Слушай, малыш-Джекки, зачем тебе это? Неужели мало своих дел? Соскучился по работе в участке?

— Бруно. Я знаю, ты не веришь, но я и правда оказался здесь случайно. Точнее, я трижды в неделю именно этим маршрутом добираюсь в одно замечательное местечко, вот уже пару месяцев как, и Гнилой переулок прекрасно помогает мне сократить путь. Так что я за вами не следил. Ты не думай. А насчет работы в участке, ты знаешь, нет, не скучаю. Но таких интересных дел я еще не встречал. А так как мне скучно, я решил вам помочь. Ты же не против?

— Интересное дело? Что может быть интересного в трупе, найденном недалеко от помойки в луже крови?

— Ммм, как насчет непонятной надписи на стене, а?

— Надписи?

— Да, вон той надписи. Ты еще не успел ее рассмотреть?

Джек Пирс указал кончиком ручки на противоположную кирпичную стену, на которой, едва различимая в слабом свете фонаря, виднелась надпись «Белый живчик».

— Что за хрень? — Салливан сплюнул в сторону.

— А я откуда знаю? Между прочим, это вы с парнями здесь уже не один час крутитесь.

— С чего взял?

— Старушка. Мисс... м-м, о, вот, — Пирс быстро перелистнул пару страниц в блокноте и нашел имя, — миссис Мэй, рассказала. А еще она рассказала, что ваш труп частенько здесь в переулке появлялся со своим псом. Обстреливал какие-то свои делишки. Всегда в темноте. Так что этот пассажир здесь совсем не случайный.

Кончик ручки снова указал на труп. Бруно Салливану пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы не сорваться совсем уж в неприличную ругань. Он терпеть не мог Пирса. Да и вообще людей. Даже себя иногда с трудом выносил. А уж в такие ночи, как сегодняшняя... Еще раз вздохнув, Салливан почти спокойно смог спросить:

— Кто такая миссис Мэй?

— Старушка из того дома... — Пирс махнул рукой куда-то назад, ко входу в переулок. — Белые кудри, оранжевая помада, второй этаж, балкон, плетеное кресло?

Джек озвучивал очевидные вещи про одну из возможных свидетельниц убийства, и Салливан становился все мрачнее.

— Черт, Бруно, кто с тобой сегодня в смене? Фотограф-то хоть стену отснял?

Буркнув что-то себе под нос, Салливан развернулся и отправился искать, куда запропастился фотограф, да и вообще он не видел особого рвения от младших в команде. Сколько они здесь торчать собираются?! Какой бы занозой ни был Джек Пирс, но сейчас он прав.

— Эй, Бруно, — раздался ему в спину окрик Пирса. — А чего вы собаку-то не уберете из переулка?

— Умный? — Бруно, остановившись, бросил недовольный взгляд через плечо. — Так возьми и сделай это!

— Салли, эй, приятель... — голос Пирса был раздраженным, что заставило старого копа довольно усмехнуться, — Бруно, мать твою. У нас большая проблема!

— Какая? — Салливан опустил стекло со стороны пассажира в черном рабочем «Форде-V8» и вопросительно выгнул бровь.

— Собака, Бруно. Огромный дог у меня на поводке!

— Ты верно заметил, малыш-Джекки, у тебя на поводке.

Так что это — твоя большая проблема!

Пирс раздраженно дернул уголком рта и незаметно сжал кулак в кармане своего пальто.

— Вообще-то это твой свидетель, Бруно, не забыл?

— Не, не забыл, Пирс. Как не забыл и того, что ты хотел помочь. — Водитель запустил движок, и на мокром асфальте, как и на стенах ближайших домов, вспыхнули синие отблески проблескового маячка. — Все, бывай, Пирс, не забудь этого монстра привезти на экспертизу в морг.

Похлопав ладонью по дверце авто, Бруно Салливан дал сигнал трогаться. Две одинаковые, как близнецы, машины, зашуршав шинами по брусчатке, тронулись с места, оставляя за спиной в ночи одиноко стоявшего частного детектива с огромной собакой. Пес, по каким-то невысказанным причинам, решительно слушался Пирса и совершенно паскудно игнорировал команды остальных копов.

Салли так и не узнал, в чем секрет Джека. То ли его природное обаяние распространяется даже на собак, то ли характером эти двое были слишком похожи. Он вообще отошел на десяток метров от трупа всего разок — чтобы разыскать, куда делся фотограф, и проверить, чем заняты его ребята. А когда вернулся, Джеки уже сидел на корточках рядом с догом, ласково трепал того за ухом и второй рукой осторожно снимал петли поводка с руки убитого мужика.

Пес, имя которого, конечно же, не было выбито на обычном кожаном ошейнике, послушно поднялся с места вслед

за Джеком и встряхнулся, разбрызгивая по месту преступления грязь и следы крови. К счастью, кровь была не его мертвого хозяина, а какой-то крысы, которую этот монстр прятал под своим брюхом.

— Проголодался, да, малыш? — спрашивал Пирс «малыша», который своей головой дотягивался ему почти до груди. — Придется потерпеть, тут работы еще на полночи, а забегаловок рядом нет.

Салливан, видя эту картину полного взаимопонимания, зло сплюнул и полез в карман за сигаретами. Вспомнил, что именно из-за Пирса он уже смял и выкинул свою пачку. Настроение это не прибавило. Подойдя чуть ближе к труп, в свете фонарей он заметил на светлом пальто Джеки брызги грязи вперемешку с крысиной кровью — и довольно усмехнулся. А затем заметил, что Пирса это совершенно не волнует, вспомнил, что мальчишка из богатенькой семейки, и чуть было не психанул. Ему не нравилась эта ночь! Не нравился этот труп! Пес. Ленивые копы, которые были чуть старше малыша-Джека, но уже ни черта не хотели нормально работать. И ему, совершенно точно, не нравился сам Пирс!

Очередное дежурство не принесло Салливану ни секунды спокойствия и ни капли радости!

Хотя о какой радости может идти речь? Салливан только головой покачал. Это же Стиллуотер, это место радость посещала в последний раз на похоронах последнего представителя семейства основателей. Лет семьдесят назад примерно.

Бруно читал газетные заметки. Люди скорбели, но отмечали общее горе на широкую ногу.

Больше отвлекаться старый коп себе не позволял. Воспользовавшись тем, что чертов-заклинатель-собак-Пирс смог отвести огромного пса от тела убитого, Бруно короткими резкими фразами раздал поручения своим ребятам. Джек, парень, конечно, не глупый, но пускать его к опросу свидетелей, сбору улик, да даже к фотографу было нельзя. Не стоит забывать, что Пирс — частное лицо, и полученной им информацией делиться вообще не обязан. Но и прогнать его с места преступления не получалось, да и кто, если не этот засранец, будет заниматься монстром под названием собака? Тем более что эти двое вполне неплохо сработались, и мрачная фигура огромного дога за спиной одного из копов действовала как хорошая сыворотка правды, — если бы она существовала, конечно, — языки развязывала на раз и повышала уровень говорливости у жителей соседних домов. Которые, конечно же, ничего не видели, не слышали и конечно не знают, но ровно до тех пор, пока не появлялся монстр на четырех лапах. Тут память жильцов оживлялась, и в мгновения просветления они нет-нет да и вспоминали какую-нибудь мелочь. Правда, к догу прилагался и Пирс, а значит, вездесущий проныра успевал выяснить все, что хотел.

Именно поэтому Салливан оставил Джека с кобелем. Что малыш там говорил при встрече? Случайно оказался в переулке, шел мимо? Видимо, по делам, не иначе! Вот и пусть

займется делами. А заодно почувствует на своей шкуре, каково это — когда в твои дела вмешивается непреодолимая сила. Такая упрямая, наглая, въедливая и не умеющая держать рот закрытым.

Чуть прищурившись, Салливан откинулся на спинку сиденья и чуть сполз вниз. Устал. В глаза будто песок насыпали. Сигарет нет. О кофе ему оставалось только мечтать, а перед глазами мелькали улицы, умытые дождем, редкие вспышки фонарей, разбрасывающих круги света на мокрой дороге, несколько вывесок круглосуточных заведений. Ночь. Работа. И никакого удовольствия от происходящего.

Растерев широкими сухими ладонями лицо, Бруно сделал мысленную пометку завтра найти Пирса, — если этот засранец, конечно, сам не припрется в участок со своей белозубой улыбкой, — и заставить его все же привести псину на проверку пасти экспертами. Лучше бы, конечно, было сделать это еще сегодня. Но в «Фордах» просто не было места, а труповозка увезла тело раньше, чем Салли успел вспомнить про взрослого королевского дога. Пирс далеко не дурак и прекрасно осведомлен о сохранности улики. А дело его зацепило. Салливан всем своим нутром чувствовал — крепко зацепило, а значит, специально ставить палки в колеса малыш-Джекки не станет, наоборот, будет всячески помогать следствию. А это, как ни крути, было неплохо. Частные детективы — особая каста; иногда они могут позволить себе то, что не каждому копу сойдет с рук. Так зачем ему, сержанту полиции, раз-

брасываться дармовой помощью? Тем более если для этого у него есть прекрасный кандидат — преисполненный азартом и уверенный, что ему позволят бесконечно крутиться под ногами. Нет, крутиться-то Салли ему вполне может позволить. Но только так, в своих целях, для общего удовольствия и для его, Салливана, пользы.

Машины выехали из Риверсайда и тут же нырнули на Принтерс-Элли, улицу, на которой плотно заняли место печатники города. Сейчас типографии были тихими, видимо, все сенсации уже напечатаны. Что, конечно, как всегда, вызывало подозрения. А вот в окнах массивного здания на Грант-Авеню, где расположилась «Стиллуотер Газетт» — самое старое издание города, еще горел свет, выделяясь в темноте ночи яркими желтыми прямоугольниками на темном из-за городской сажи кирпиче зданий.

— Рорк, — хриплым от усталости голосом проскрипел Бруно, — остановись у Грантса.

— Что? — Водитель, еще один работник полицейского участка номер семнадцать, упрямый, коренастый ирландец Деклан Рорк, повернулся к Салливану и тут же упрямо выпятил подбородок. — Что тебе понадобилось ночью в пристанище журналюг и политиков, Бруно?

— Я хочу крепкий черный кофе, а в участке он закончился, если ты забыл!

— С ума сошел? Поехали до моего дома, я тебе сам сварю нормальный кофе, ирландский, а не чашку с наперсток по

цене бутылки доброго скотча!

— Просто останови у Грантса, Рорк. Это приказ.

— Отлично, — недовольно буркнул Деклан, но по тормозам послушно ударил, паркуясь у обочины немного не доезжая до печально известного паба.

Салливан не смог сдержать усмешку. Рорк всегда был таким. Ему уже сорок лет, а его взгляд острый, как у хищника, готового к атаке. Темперамент подобен нитроглицерину при тряске, но если капитан отдает приказ «не стрелять», Рорк голыми руками будет душить противника, но приказ выполнит. Даже после десяти лет службы в полиции, где он столкнулся с множеством трудностей, его упрямство и взрывной характер не изменились. Правда, они же и не позволили ему продвинуться по карьерной лестнице.

Открыв дверь старого побитого жизнью рабочего «Форда», Бруно, захлопнув дверь, наклонился к открытому окну:

— Не ждите меня, я пройду до участка. Хочу подумать.

— Как скажешь, Салли, — Рорк отрывисто кивнул и тут же тронул машину с места.

Все правильно, ребята устали и уже не против были бы вытянуться на скрипучих диванах в участке. Оставалось только надеяться, что ночью больше не будет вызовов и им всем удастся хоть немного отдохнуть. А работать над расследованием убийства в Гнилом переулке они могли начать и утром, когда хоть пару часов поспят.

Глава 2 Дзы-инь — щ-шелк

— Так, — Джек повернулся к огромному догу, который, тряхнув головой, уселся рядом с ним. — И что мне с тобой делать?

Пес дернул ухом. Пирс усмехнулся — ну да, если кто здесь с кем-то что-то и сделает, то точно не он с этим черным чудовищем собачьей наружности.

— Ладно, — достав из кармана зажигалку, Пирс открыл ее с тихим металлическим звоном и закрыл с более отчетливым щелчком.

«Дзы-инь — щ-шелк».

Повторил процесс. И еще раз. Нехитрое занятие помогло ему сосредоточиться. А подумать было о чем. Как Пирс и говорил Салливану, оказался он в Гнилом переулке случайно. Точнее, не совсем так: оказался-то он очень даже специально и даже целенаправленно, но это никак не было связано с обнаруженным здесь трупом.

«Дзы-инь — щ-шелк».

Муж его клиентки три раза в неделю предпочитал ездить в бар «Последний шанс». Дешевая забегаловка с разбодяженным пивом и чем-то похожим на разбавленную морилку для дерева, но почему-то называлось это нечто «виски». Местечко находилось на Ривер-Энд-стрит, окна выходили на ржавые доки, а запах, окутывающий это место, являлся смесью

аромата вод Рэд-Крик, запахом старых ржавых барж со свалки, удушливой вони с рыбного аукциона, который удобнее было устроить недалеко от доков, чем растаскивать эту грязь по всему городу, и, конечно же, непроходящего запаха от завода.

«Дзы-инь — щ-шелк».

Сам район Риверсайд был ужасен не только на вкус Джека, но даже на взгляд тех людей, кто был вынужден здесь жить, не имея ни малейшего шанса выбраться хотя бы в деловой район города. Понятно, почему милая, несколько расстроенная Дебора, обратившись в контору Джека, никак не могла понять, где пропадает ее муж, почему от его одежды частенько воняет странной смесью ароматов, в которых нет и намека на женские духи, и чем же он таким занимается, если начал пропадать из дома несколько вечеров в неделю, начал меньше разговаривать с любимой женой и вообще стал замкнутым и излишне задумчивым.

Дебора так и говорила:

— Понимаете, сэр? Он слишком много о чем-то думает и молчит. Раньше он таким не был. И если Если у него любовница, — тут из-под манжеты ее дорогого платья был извлечен белый платочек с вышитой монограммой и тут же приложен к уголкам глаз, якобы собирая слезы, — Если у него любовница, я хочу это точно знать! Как и то, что же это за женщина такая, от которой он возвращается домой задумчивым, молчаливым, часто голодным и ужасно воняющим!

Вы понимаете, сэр? С такой деликатной просьбой я не могу обратиться в полицию, правда ведь? Но мне нужна помощь! Вы ведь мне поможете?

«Дзы-инь — щ-шелк».

Конечно, Пирс согласился. Ему нужны были деньги, как и любому человеку в городе. А непыльная работа — это всегда непыльная работа. За эту еще и неплохо должны были заплатить. И именно поэтому Джеку пришлось в последние два месяца трижды в неделю приезжать на Роттен-роу, оставлять машину рядом с раскидистым кустом сирени и, срезая путь через Гнилой переулок, выходить на соседнюю улицу в десятке метров от мотеля «Ривервью». Притон для уставших путников, дилеров, проституток и тех, кому больше некуда было податься. Именно рядом с этим мотелем и находился «Последний шанс», в который сегодня Джек точно не попадет. Потому что если пугать завсегдатаев бара видом королевского дога ему было не жаль, то собаку нервировать не хотелось.

«Дзы-инь — щ-шелк».

Судя по крысе, парень был голоден. И руки Джека, пахнувшие недавно съеденным сэндвичем с ветчиной, тому подтверждение — потому как сначала чудище, стоило к нему подойти, недовольно заворчал, а вот обнюханные ладони вызвали слабое шевеление хвоста и даже трогательный просящий взгляд, который на морде размером с полторы человеческие головы выглядел жутковато. Зажигалка снова шелк-

нула в пальцах детектива.

«Дзы-инь — щ-шелк».

После чего Пирс мотнул головой, убрал бесполезную железяку в карман и обратился к псу:

— Ладно, пойдем, чудовище. Попробуем тебя запихнуть в мою машину. Надеюсь, тебе хватит места на заднем сиденье, потому что если нет, то я не представляю, что мы с тобой будем делать. — Усмехнувшись, Пирс осторожно дернул поводок. — Съездим в морг, порадуем там ночную смену своим появлением, а потом я тебя обязательно покормлю.

Пирс мысленно махнул рукой на Дебору и ее своеобразного супруга, который, судя по всему, посещал «Последний шанс» исключительно ради пары кружек плохого пива и редких бесед с барменом. Детектив снова хмыкнул, не понимая, что могло побудить мужчину из достаточно состоятельной семьи приходить в этот ужасный район. Однако, если Дебора не продлит договор, он сможет без зазрения совести указать в отчете, что ее мужу, возможно, хочется ощутить себя ближе к бедным людям. Как знать, может, у них дома не все так гладко, и таким образом мистер Шоу напоминает себе, что в общем-то ему жаловаться не на что?

Кивнув в ответ на свои мысли, Джек отправился вдоль улицы к своей машине, не обращая внимания на сверлящий его спину взгляд миссис Мэй.

Старушка сидела в своем плетеном кресле на небольшом балконе и буквально сливалась с темнотой. Она даже спе-

циально накинута на светлые волосы шаль, чтобы не привлекать внимание излишне глазастого детектива. Подумать только: она, столько лет мучаясь бессонницей, наблюдала за ночной жизнью их района, всегда была в курсе, кто какие делюшки обстрепывает в ужасном Гнилом переулке, — «Гнилушке», как говорили местные, — примечала новые лица, слышала отголоски разборок банд и пару раз стала свидетельницей убийств, но ни разу, ни единого раза не привлекла ничьего внимания. Ей всегда казалось, что ее присутствие на балконе либо игнорируют, либо принимают за какую-то мифическую гаргулью. Но вот несколько месяцев назад под ее окнами появился этот молодой человек. Он был одет в стильное пальто и фетровую шляпу, его рубашка всегда была безупречно чистой и светлой, а взгляд — цепкий, как у хищника.

Уж Мэй-то видела всяких засранцев. Этот был отборным. Элита. Его выдавали движения, одежда, манера ее носить и то, как, заведя старушку, — и как только рассмотрел, поганец?! — тот тонко улыбнулся и поздоровался с ней. А затем еще и имел наглость заговорить. Спросил, где он окажется, если пройдет узким плохо освещенным переулком между домами? Мэй, сплюнув, тихо проскрипела ему тогда:

— В аду.

Малец, нужно отдать ему должное, не испугался, а лишь усмехнулся и, демонстративно оглянувшись, уточнил:

— А мы еще не в нем?

Молодой, весь с виду такой приличный, а зубы показал сразу. Хотя и замаскировал оскал вежливой улыбкой.

Тогда они разошлись миром, она назвала улицу, к которой выводила Гнилушка, парень в пальто ушел. Больше они ни разу не говорили. Хотя парнишка появлялся здесь частенько. Многим позже после первой встречи Мэй вспомнила, кто в их городе умел вот так показывать акулий оскал и при этом выглядеть благовоспитанным ублюдком. Конечно, жители Норт-Хайтца, района для элиты города. Мэр, его лизоблюды, семейства, у которых денег хватит на строительство парочки таких городков, как Стиллуотер. Те, кого называли хозяевами жизни. Как Мэй и думала — мальчишка оказался отборным дерьмом. Но проблем он не доставлял, к ней внимания не привлекал, в грязных делах замечен не был, и любопытство все не давало Мэй покоя. Парень в пальто и шляпе был загадкой, которую она не могла разгадать. А сегодня неожиданно получила ответ на свой вопрос. Полицейский — надо же! Хотя вроде на него зубоскалил тот уставший коп в плаще. Так что, может, и правда детектив, чем черт не шутит? Но все же Мэй удивилась. И еще больше удивилась, видя, как светлое пальто медленно растворяется в темноте улицы, что парень не бросил пса. Огромного, — такого еще попробуй прокорми! — пса. И более того, судя по всему, не собирался его бросать и в дальнейшем.

Этого зубастого монстра Мэй тоже видела не раз. И странно, что ночью никто из полицейских не догадался у нее спро-

ситель — не знает ли она, старая Мэй, что за делишки обстрелял в Гнилушке хозяин этого черного монстра. Уж она бы рассказала все как есть! Хотя, может быть, и нет.

Миссис Мэй в задумчивости пожевала губу.

Определенно, она ничего не рассказала бы копам. А вот этому молодому симпатяге — может быть.

Решено! — подумала Мэй. — Если она встретит этого мальчишку еще разик, то, так и быть, поделится с ним важными знаниями. Пусть утрет нос продажным копам. А то видела она, как те лениво выполняют свою работу! В прошлом году сама обращалась в участок — ее ограбили на улице. И что? Где ее сумка? До сих пор не нашли! Да и не искали. Мэй даже не сомневалась в этом!

Тихонько фыркнув, старушка поднялась и медленно пошаркала в квартиру. Скоро будет рассвет, и станет видно, в каком ужасном месте она живет. К запаху Мэй давно привыкла, как и к свалке старых барж, которые скрипели и выли ночами, укачиваемые красными водами реки. Но к виду — к виду она привыкнуть не смогла за всю жизнь! Отвратительное место! С другой стороны, детектив был не прав. Это еще не ад, только его преддверие. А вот райончик Фактори-Дистрикт имеет полное право носить это название. Промзона. И этим все сказано.

Джек, не зная, о чем думала миссис Мэй, стоял рядом со своей «Паккард-120» и мысленно складывал догадки в машину. Даже в мыслях это было сделать сложно. Головоломка с

повышенным уровнем сложности. Но одного взгляда на тяжело вздыхающего, явно уставшего пса было достаточно — Джек нырнул в салон авто, чтобы постелить на заднее сиденье плед. Плед был удобным. Джек часто укрывался им прохладными ночами, когда нужно было долго сидеть в машине во время слежки. Однако сейчас не было времени на чистку салона, поэтому он без колебаний пожертвовал тряпкой. В конце концов, у него дома есть еще несколько пледов, а вот менять ободранные сиденья не очень хочется.

— Ну что, приятель, — распрямившись рядом с авто, Пирс осторожно дернул поводком, — давай упаковываться. Главное — помни, водителю нужно хоть немного места.

Пес недовольно рыкнул, сунул нос в салон и, подняв голову, посмотрел на детектива. Пирс готов был поклясться, что пес не остался в восторге от салона «Паккарда». Но дог все же не был глупцом: из вариантов — идти пешком до морга следом за машиной или попробовать устроиться в странной железной коробке на колесах — он выбрал второй. Глядя на то, как дог занимает большую часть салона авто, Джек передернул плечами. Это «Паккард», черт возьми! Пусть более экономный вариант, нежели предыдущие модели, но все-таки это автомобиль класса люкс! И у него повышенная комфортность. И салон комфортабельный. И сиденья как диваны — широкие, удобные. Да и модель стандартная, а не крошечное купе. Если в этой машине дог едва уместился, то как бы он чувствовал себя, попробуй Салливан запихнуть его в

рабочий «Форд»?

— Ладно, приятель. Поехали.

Ударив по крыше авто, Пирс обогнул машину, занял водительское сиденье и тронулся с места. Свет фар двумя светлыми дорожками разорвал предрассветную тьму. Дорога им предстояла не то чтобы длинная. Но подумать Пирсу было о чем. Например, каким, черт возьми, образом он вместо того, чтобы выполнять работу, за которую ему вообще-то платят, превратился в няньку огромного пса?!

Главный городской морг находился при Мемориальной больнице Стиллутера. Пирс не любил эту часть своей работы. Походы к патологоанатомам, холодильники, запах. Этот проникающий, казалось, в каждую клетку, сладковатый мерзкий запах. И в эту ночь, стоило обогнуть основные корпуса больницы и оказаться в темном, глухом тупике, как вдоль спины уже поползли назойливые мурашки. Вздохнув поглубже свежего городского воздуха, Пирс толкнул дверь.

— Ну что, приятель. Идем, узнаем, не попробовал ли ты на зуб того, кто прирезал твоего хозяина.

Дверь в морг тихо скрипнула, будто устало вздохнула, выпустив наружу волну ледяного воздуха. Джек шагнул внутрь, и его обволокло знакомой многослойной вонью. В воздухе стоял резкий запах хлорки, которая пыталась заглушить сладковатый, неприятный аромат разложения, смешанный с горьковатым дуновением формалина.

Рядом с ним, прижавшись к ноге, следовал дог. Это мощное животное, всего несколько мгновений назад сохранявшее спокойствие, теперь жалобно скулило, поджимая хвост. Его влажный нос чутко подрагивал, улавливая тревожные и незнакомые ароматы.

Пройдя пустынными коридорами, Пирс толкнул дверь в одну из лабораторий. Единственную, в которой горел свет в круглом окне железной двери. За прозекторским столом, под безжалостным светом люминесцентных ламп, копался док-

тор Элиот. Его белый халат был усеян бурыми пятнами. И черт знает, это были свежие пятна или остались с прошлых вскрытий? Джек тяжело вздохнул. Он терпеть не мог морг!

— Пирс, — кивнул Элиот, на мгновение оторвав взгляд от инструментов перед ним. — Не думал, что увижу вас снова так скоро. Да еще и в такой компании. Разве не Салливан и его ребята должны были привести пса?

— Салли вынужден был признать, что он не уместится с догом в одной машине.

— Короче говоря, тебе навязали огромного пса.

— Именно, — кивнул детектив, выразительно посмотрев на Элиота.

— Ясно. Я так понимаю, нужна экспертиза?

— Ты и сам знаешь, — Джек со скучающим видом прошелся взглядом по «холодильнику», старательно не обращая внимания на тела, накрытые простыней, и особенно на то, что накрыто не было. — Нужно проверить, нет ли в его пасти человеческой крови. Вдруг Салли и ребятам повезло.

Элиот посмотрел на собаку, которая замерла, не отрывая глаз от стола в дальнем конце комнаты. Под взглядом пса простыня под телом едва заметно шевельнулась, словно от сквозняка, которого на самом деле не было.

— Наш труп? — уточнил Пирс, также заметив интерес своего подопечного.

— Пока работы не завершены, Пирс, — отрезал Элиот, подходя к ним. — Могу только сказать, что на задней по-

верхности тела обнаружены трупные пятна в стадии гипостаза. По поводу травм — единичное колото-резаное ранение. Локализация — проекция левой подмышечной области, в третьем межреберье, по передней подмышечной линии. Входное отверстие щелевидное, длиной примерно два и три десятых сантиметра, с ровными, не осадненными краями. Один конец заострен, второй — П-образный, с мелким зазубренным краем. Как мы и предполагали на месте, нож. Пара гематом на спине — но они получены скорее всего при падении тела. Я еще поработаю с телом, конечно. Вскрытие, яды, слюну проверить, но в принципе уже того, что найдено, достаточно для быстрой смерти в подворотне. А сейчас давай лучше займемся вашим четвероногим свидетелем.

Он надел новые резиновые перчатки с характерным щелчком. Кажется, так умеют только медики. Пес, почуяв повышенный интерес к своей персоне, отступил, но Пирс твердо удержал его за ошейник.

— Спокойно, парень. Это нужно для дела.

Элиот ловко, почти без усилий, зафиксировал мощную голову собаки и, используя шпатель и стерильные тампоны, взял пробы из пасти.

Дог сопротивлялся, издавая глухое рычание, но повиновался железной хватке рук Пирса на холке.

Откровенно говоря, и док, и детектив мысленно были готовы к тому, что мощный дог оставит им парочку шрамов на память об этой ночи. Но нет, огромный четверолапый

монстр мотнул головой и, недовольно заворчав, отошел к двери, где и улегся, не сводя недовольного взгляда с мужчин.

— Ладно, — Элиот отнес пробирки к столу. — Посмотрим, что за историю расскажут эти образцы.

Он капнул реактивом, и через несколько мгновений его лицо, обычно бесстрастное, исказилось гримасой легкого разочарования.

— Ну, детектив, ваш ключевой свидетель провалил проверку. Реакция положительная, но только на кровь животного. Не знаю, кем он успел закусить, но убийцу точно не кусал. Так что этой ниточки у полиции не будет.

Пирс мрачно смотрел на пробирку, где жидкость окрасилась не в тот цвет, на который он надеялся. Прав Элиот. Этой ниточки нет ни у полиции, ни у него. А ведь искать неизвестного с травмой было бы проще, чем просто искать иголку в их прогнившем городе.

— Ладно. Спасибо, Элиот. Буду рад, если поделитесь новостями по телу, — он кивнул в сторону замерзшего тела на дальнем столе. — Я утром в участок обязательно заеду. Пса им отдам, новостями поделюсь. Ну, ты и сам знаешь, не имею привычки обманывать.

— Знаю, — док чуть искривил губы, обозначая намек на улыбку. — Только Салли все равно будет недоволен.

— Как будто бывают дни, когда он доволен. — Джек беззаботно фыркнул. — Все, старик, до встречи. И спасибо за ответы.

— Надеюсь, встретимся не скоро, — снимая перчатки, ответил Элиот. Ему еще предстояла работа, а вот детектив Пирс уже был свободен. И хотя парень вообще не обязан был ни привозить собаку в морг, ни тем более помогать на месте преступления, Салливан и правда будет недоволен, а еще обязательно свое недовольство выплеснет на уставшего судмедэксперта, который из-за этих ночных убийств не спит нормально уже вторые сутки.

Пирс, не зная о мыслях дока, развернулся и повел собаку к выходу. Дог, почувствовав, что они уходят от этого ледяного места, рванул вперед, волоча детектива за собой на поводке. Дверь морга закрылась за ними, снова сдавленно вздохнув, оставив внутри только запах хлорки, смерти и неразгаданных тайн.

Дорога до дома вытягивалась в полосу тусклого асфальта, тонущего в тишине. Ее нарушал только тяжелый, как паровозные вздохи, храп с заднего сиденья. Безымянный пес. В чужой машине, по дороге в чужой дом. Хороший финал этого долгого дня.

За окном Стиллиуотер, наконец, вздохнул с облегчением. Даже самые отъявленные негодяи иногда нуждаются в отдыхе. На востоке, над заводскими трубами, робкий рассвет начал разгонять ночную тьму. Он не предвещал ничего хорошего. Джек знал, что день в этом городе не сменяет ночь. Стиллиуотер лишь меняет свой облик. Ночью город был от-

кровенен: грязь, кровь и теневые сделки. Днем он превращался в хитрого обманщика. Улыбки прохожих были накрахмалены до блеска, но внутри них не было тепла. Аристократы демонстрировали высокомерие, а дети и те немногие, кто еще умел, — искреннюю радость, которую здесь берегли, как драгоценный ресурс.

Через пару часов, когда Пирс наконец-то хоть немного поспит, город предстанет перед ним уже другим. Детектив знал, что днем улицы наполнятся громким и бессмысленным шумом, а из кофеен будет доноситься навязчивый аромат свежего кофе и выпечки, который лишь на время скроет горький привкус реальности. Однако это было лишь в центре, где жизнь играла в жестокие игры с теми, кто осмеливался ей противостоять и показывать свои клыки. Она играла, как в дешевом казино, где выигрыш всегда отдавали фальшивыми фишками.

В Промзоне день начинался по-другому. Фабрики, похожие на дремлющих монстров, медленно пробуждались, и вскоре из их труб поднимался густой, удушливый смог, который стал привычным покрывалом для этих районов. Но даже в этой ядовитой атмосфере люди находили повод для улыбки. Они радовались уже тому, что снова проснулись. Для жителей Стиллуотера это было маленькой, но значимой победой. Бросив взгляд в зеркало заднего вида на дога, Пирс покачал головой. Досталось парню. Устал. Но он тоже устал. А впереди их ждало знакомство с его, Джека, квартирой. И

что-то подсказывало детективу, что дог знакомство перенесет стойко, а вот квартира — навряд ли. Вспомнив светлый паркет на полу, бежевую обивку дивана, низкий столик, на котором всегда стояли рамки с фото семьи и в беспорядке лежали стопки с документами. Книжные полки, где почти на каждой располагалась какая-либо мелочь. Будь то бейсбольный мяч, который в детстве Джек кидал с водителем отца, — с отцом редко, у него всегда не хватало времени на воспитание детей. Или игрушечный солдатик, — вообще-то их было много, и они стояли на разных полках, сторожа сокровища Пирса, — его отдала Ба. Единственный член семьи, который всегда находил время на глупые детские игры. Поэтому в квартире Джека также хранились пару мотков шерсти. Вдруг Ба надумает приехать и ей станет скучно ждать малыша Джека? Корзина с журналами у дивана — чем не предмет любопытства для пса? Пепельница из тонкого стекла. Штучная вещь! Ему делали на заказ! Но успеет ли Джек спасти свою память о том, как тяжело и долго он отвыкал от курения? Еще один взгляд на спящего пса, и тяжелый вздох сорвался с губ детектива. Кажется, в этот момент Джек решил, что дальше прихжей не пустит этого монстра в свое убежище. Где светлые тона сочетались с темной, подчеркнуто аристократичной мебелью из благородного дерева каких-то там пород. В общем, Джек понятия не имел, что напичкано в его берлоге, потому что, как только он решил переехать, Ба все взяла в свои руки и, пока Пирс выкладывался на работе в

участке, твердой рукой руководила ремонтными работами. Именно Ба выбирала по каталогам всю мебель для своего внука. И она же одним движением брови давала понять рабочим, как они не правы, и если эта леди попросит, то они будут переставлять тяжелый диван столько раз, сколько понадобится.

Джеку нравилась его квартира. И он не готов был к тому, чтобы ее разрушали. Но разве собаке было дело до планов одного, как оказалось, очень наивного детектива? Конечно нет.

Стоило только открыть перед псом дверь, тот занял собой почти весь дверной проем. Медленно повел носом, знакомясь с незнакомыми ароматами. Один взгляд на замершего рядом мужчину, и дог проходит в прихожую, цокая когтями по недавно натертому воском паркету.

Джек поморщился. Началось!

— Так, приятель. Идем в ванную. Тебя определенно нужно искупать.

Идея была абсолютно верной. Вот только Джек никогда не держал собаку. И знаний о том, как за ними ухаживать, он нахватался из чужих разговоров. Сейчас с ним сыграла злую шутку простая логика: пес провел большую часть ночи на улице, лежал рядом с трупом, грыз крысу и пачкался, значит, его нужно помыть. Вот только Джек и понятия не имел, как именно справиться с догом, который категорически был против залезать в довольно просторную чугунную ванну.

Этот бой был проигран. Пирс был испуган, его рубашка, брюки и даже ботинки, которые он поленился снять, тоже. Дог, вяло виляя хвостом, с недоумением смотрел на странного человека, который зачем-то пихал его в железную чашу, но в итоге упал в нее сам прямо под противные струи воды. Как будто пес сегодня и так мало мок!

С горем пополам, но Джеку все же удалось привести в порядок своего временного — однозначно временного! — гостя. Следующим испытанием для него стало желание пса хорошенько отряхнуться. И ладно бы этот паршивец решил проветрить свою шкуру в ванной — там уже и так уборка предстояла на пару дней. Так нет, наглая черная морда выбежала в коридор и щедро поделилась каплями воды с пальто, всей обувью, стенами и шкафом. Даже цветку и то досталось. Большой фикус теперь влажно блестел под светом рожковой люстры.

Пока Джек, ворча себе под нос, ходил в спальню переодеться, пес проявил собачье чутье и нашел гостиную. Там, видимо, исключительно из благодарности, он своим гибким черным хвостом смахнул рамку с фото со стола, уронил несколько книг с полок книжного шкафа, обнюхал диван и уже повернулся к телевизору, но тут в комнату пришел Пирс: — Замри!

Послушный, определенно дрессированный пес замер. Только хвост по инерции продолжил свое движение, которое закончилось закономерным «бдзынь» и кучей мелких оскол-

ков тонкого стекла, которое раньше было штучной пепельницей.

— Ты — Джек ткнул пальцем в сторону собаки. — Ты! — Шумно вздохнув, Пирс вынужден был признать, что это всего лишь пес. И уронил он всего лишь вещи. Ничего непоправимого не произошло. А значит, и злиться смысла нет. — Сиди на месте, приятель. Сейчас принесу тебе что-нибудь перекусить и уберу здесь.

Окинув взглядом бардак, Джек поморщился. Ладно документы и книги, но стекло точно стоит убрать сразу. Не хватало еще потом лечить лапы пострадавшего от его безалаберности дога.

Быстро приведя комнату в порядок, детектив плюхнулся на диван, наблюдая, с каким удовольствием черное разрушительное чудовище чавкает его, Джека, предполагаемым ужином. Тушеное мясо в подливке зашло догу как родное. Джеку бы оно тоже неплохо зашло, только он забыл оставить себе хоть немного. Псина делиться однозначно не собирался. Но пары взглядов на эту довольную морду хватило, чтобы раздражение ушло, оставив лишь усталость после долгого дня и легкую улыбку на губах мужчины. Хоть кому-то он сегодня действительно смог помочь. Думать о том, что делать дальше с чужой собакой, да не просто собакой, а свидетелем убийства, Джек будет завтра. Лучше всего в компании Салли и его ребят в участке. В конце концов, Джеку может быть скучно, и он готов поучаствовать в расследовании копов, но

он точно не собирается оставлять себе огромного пса.

Ему нужен уход. Внимание. Регулярные прогулки.

У Джека же был ненормированный график, частое отсутствие еды в доме, нарушение сна и полная безответственность перед животными. Кто будет следить за этим монстром, когда он, Джек, опять, забыв о времени, станет жить в своем офисе, расследуя очередное дело? А кто будет убирать за догом, когда его вовремя не выгулять? Представив себе размер последствий такого нарушения режима собачьей жизни, Пирс выразительно поморщился. Нет уж. Пара дней, не больше. Потом этой псины и близко с его квартирой не будет!

Глава 3 Секрет ячейки 314

Коридоры участка пропитались ароматом дешевого кофе, пылью бумаг и ощущением безысходности. Салливан сидел за своим столом в плаще, уставившись в стену. Перед ним дымилась кружка с жидкостью, которую только неисправимый оптимист мог бы назвать кофе.

— Салли, тебе звонили из морга, — молодой офицер Коулман бросил на стол записку, вырванную из блокнота. — Доктор Флэнаган передал вещи из карманов жертвы.

— И? — Салливан перевел взгляд со стены на пятно на потолке — по форме оно напоминало зад поросенка, а трещина в побелке служила ему хвостом.

— Ключ от камеры хранения на вокзале. И вот это.

Коулман положил рядом с запиской смятый, застиранный билет: «Цирк „Олимпия“. Гастроли в Стиллуотере. Пятнадцатый ряд, место четвертое».

— Цирк? — Салливан наконец повернул голову, и лицо его исказилось от недоумения. — Наш покойник был любителем таких развлечений?

— Может, он там работал? Дрессировщиком? — предположил Коулман.

— Да, — Салли презрительно хмыкнул, — и поэтому работник цирка носит в кармане билет на представление? Он же не может туда попасть, не купив билетик, не так ли? Коулман, вот скажи мне, ты с утра где-то голову повредить успел?

— Нет, — буркнул лейтенант в ответ, — мы с моей Грэйс точно не...

— Проклятье, Майкл, я не хочу знать, чем ты занимался утром со своей женой!

Работники участка, слышавшие разговор Салли с молодым и крайне влюбленным в свою жену Майклом Коулманом, не сдержали смешка. Все, кто работал в участке, хоть раз да выслушивали от коллеги его восторженные истории про Грэйс. И, с одной стороны, это дарило множество поводов для бесконечных шуток над Майклом, но, с другой, все они когда-то были влюблены. Совсем не у всех получилось построить крепкие отношения и даже спустя пару лет после свадьбы с таким же восторгом говорить о своей женщине. Так что мрачные серьезные копы полицейского участка номер семнадцать в чем-то завидовали этому молодому лейтенанту.

А самому Майклу было глубоко наплевать на все шуточки. Он любил свою умницу-жену, и она была его приоритетом номер один. Он не стеснялся своих чувств и не считал, что выглядел бы круче, промолчав о любви. Так что на окрик Салливана лишь пожал плечами и, хлопнув начальника по плечу, отправился к своему рабочему месту со словами:

— Вы все любите мою Грэйси — особенно когда она печет вам домашнее печенье. Так что не ворчи, кэп.

Утром в участке было тихо. Самое любимое время Салли. Время, когда можно потратить несколько минут на разглядывание идиотской свиной задницы на потолке и не шевелиться. Даже не думать. Тихо. Спокойно. Все злодеи города еще спят. А мирные жители, которые сейчас спешат на работу, еще не успели обнаружить никаких следов ночных происшествий. И Салли искренне надеялся, что и не найдут. В конце концов, должны же все, кто предпочитает решать свои проблемы убийством, научиться замечать за собой следы!

Тишина, скрип ручек по бумагам, шелест тех самых бумаг, редкие фразы... Все это было нарушено незванным гостем.

Дверь распахнулась с такой силой, что стеклянная вставка звякнула. На пороге стоял Джек Пирс. Его безупречное пальто было в темных пятнах, фетровая шляпа слегка помята, а под глазами залегли фиолетовые тени усталости. Но улыбка все так же ослепляла.

— Привет, ребята! Скучали? — Пирс бросил на ближайший стол сверток, от которого потянулся аппетитный аромат свежей выпечки. — Принес еды. И новости.

— Где собака? — первым делом спросил Салливан.

— В коридоре, привязана к батарее. Ваш свидетель в полной сохранности, если не считать того, что он съел мой завтрак, порвал диванную подушку и теперь смотрит на меня

так, будто это я во всем виноват. — Пирс вздохнул и, поймав вопрошающий взгляд Салливана, добавил: — Не спрашивай. Просто не спрашивай. Лучше расскажи, что у вас.

Салливан молча подвинул ему билет и ключ.

— Ого, — свистнул Пирс, поднимая билет к свету. — «Олимпия». Это тот бродячий цирк, что разбил шатры на пустыре в промзоне? Интересно. А ключ... с центрального вокзала. Наведаться?

— Это работа полиции, Пирс, — буркнул Салливан, отпивая глоток горькой остывшей бурды.

— Конечно, Бруно. Но представь заголовки: «Отважные детективы участка № 17 в одиночку расследуют загадочное убийство!» Звучит, да? А если я пойду с тобой, будет: «Полиция в сотрудничестве с известным частным детективом...»

— Известным? — язвительно перебил его Салливан.

— ...с частным детективом нашли ключ к разгадке, — не смутившись, закончил Джек. — Хорошая пресса еще никому не вредила, Салли. Идем? Пока твои парни тут завтракают, мы можем успеть до обеда.

Бруно не нравилось то, о чем говорил Пирс. Но в одном наглый детектив был прав: хорошая пресса никому не вредила, и новость о расследовании, где один из хороших парней носит фамилию «Пирс», точно напечатают на первой полосе. А вот новость об надрывном труде копов? Да кому они сдались. Зато их промах обсосут, как голодные коты кость.

И это злило.

Салливан с ненавистью посмотрел на пятно-поросенка на потолке, потом на улыбающегося Пирса, потом на свою кружку. Поморщился. С грохотом отодвинул стул.

— Только если ты по дороге будешь молчать, — ткнув в сторону Пирса пальцем, проворчал Салливан. Потом понял, что хочет невозможного, и добавил: — Хотя бы иногда!

— Обещаю, буду нем как рыба, — сказал Пирс, уже направляясь к выходу и на ходу надевая шляпу.

Дорога до железнодорожного вокзала Стиллуотера была словно путешествие через все слои городского общества. Сначала путь лежал через Даунтаун — деловой район, где на Мэйн-стрит располагался полицейский участок, своим видом напоминавший усталого надзирателя. Затем машина пересекала Норт-Хайтс — ухоженный район богачей, где стоял дом семейства Пирсов, а также особняки мэра, владельца типографии, директора завода и прочей элиты.

Им, этой местной аристократии, приходилось мириться с тем, что иногда по тихим широким улицам с тенями от вековых дубов на идеальных газонах проносились машины, стремившиеся сократить путь к выезду из города. Полиция могла себе это позволить: их «Форды» с воем сирен рассекали здешний покой, будто незваные гости на светском приеме. А вот жителям промзоны или Риверсайда такая роскошь была недоступна — им оставалось лишь ждать вечно опазды-

вающий автобус и трястись в дороге на час дольше, глядя на ускользящую красоту Норт-Хайтса из запотевших окон. Зато вид старенького транспорта, то и дело выпускавшего черное облако едкого дыма из выхлопной трубы, не раздражал взгляд обитателей Норт-Хайтса.

Пирс, прекрасно зная маршрут, решил не демонстрировать гордость и, проигнорировав многозначительный взгляд Салли на его личный «Паккард-120», уверенно направился к одному из черных, побитых жизнью «Фордов» участка. Детективу было плевать и на продавленные сиденья, и на характерные запахи — смесь дешевого табака, старой кожи, еды из забегаловок и чего-то неуловимого, что безошибочно выдавало аромат машины копов. Джек собирался воспользоваться дорогой до вокзала и поспать, устроившись на потрепанном сиденье, давно промятом и потерявшем форму из-за бесчисленных пассажиров. Как раз исполнит заветную мечту Салли — будет молчать всю дорогу, пока за окном мелькают сначала особняки Норт-Хайтса, затем тихая окраина, оставляющая в стороне дымящие трубы на задворках города, а после — мост через Рэд-Крик, за которым начиналась трасса к их цели.

Под недоуменным взглядом старого копа Джек с удобством устроился на переднем сиденье и, сдвинув шляпу на глаза, пробормотал:

— Расслабься, Салли. Ты же хотел, чтобы я помолчал.

Вокзал гудел приглушенным гулом голосов и шипени-

ем паровозов. Воздух был густым и тяжелым, пропахшим угольной дымкой, дешевым табаком и потом. Под закопченными стеклянными сводами толпились люди — уставшие, спешащие, мрачные, с потрепанными чемоданами, в которых умещалась их жизнь.

Может, Пирс и преувеличивал. Может. Но он точно видел: вон тот мужик, прижимая ногой потрепанный чемодан и угрюмо глядя в одну точку, не притворяется. А за улыбками тех, кто вернулся в Стиллуотер, чувствовалась фальшь. Нет, конечно, здесь были и искренний смех, и радостные объятия. Но Джек знал: все это ненадолго. Радость от встречи, смех от ощущения, что тебя ждали, маленькое счастье от завершённой дороги. Пройдет день-два, и давящее ощущение города вернется. Кто бы ни уезжал, куда бы ни лежал их путь, это всегда была надежда на лучшую жизнь. К сожалению, в Стиллуотере «надежда» оставалась лишь словом в словаре. Не более.

Вот и вокзал был не местом для радостных встреч или начала счастливой истории, а скорее пространством, где любой житель мог быть честен хотя бы с собой.

Путь к камере хранения лежал вниз, в подвал. Шум главного зала быстро затихал, уступая место гулкой тишине и эху шагов. Коридор был узким, с потрескавшимися стенами, выложенными плиткой цвета увядшей зелени. С потолка капала вода, и единственным источником света служила одинокая лампа под колпаком, отбрасывающая длинные, танцу-

ющие тени.

В конце этого туннеля располагались ряды стальных ячеек — безликих, одинаковых, покрытых тонким слоем ржавчины. Они хранили предметы, которые владельцы не могли или не хотели брать с собой. Это были секреты, оставленные до лучших — а зачастую до худших — времен. Получить ключ от одной из этих ячеек означало завладеть ключом к чужой тайне. Или к жизни.

Камера номер триста четырнадцать скрипнула, будто нехотя открываясь и предоставляя доступ к своим секретам. Бруно Салливан вытащил небольшой, побитый по углам чемоданчик. Внутри, под стопкой поношенной одежды, лежало несколько картонных папок.

Пирс, прислонившись к стене, наблюдал, как Салливан внимательно осматривает самые обычные вещи, и щелкал зажигалкой: «Дзы-инь — щ-шелк».

— Ну что, Бруно, папки будем проверять или ты вызовешь своих, и вы на месте сделаете опись? Ты сегодня как настроен — работать или работать по протоколу?

Салливан молча откинул поношенную, но чистую рубашку и раскрыл первую папку. Внутри лежали фотографии — десятки снимков. Мужчины и женщины в откровенных,

часто непристойных позах. Вместе и поодиночке, с разных ракурсов. Качество было низким, освещение — любительским, но сомнений не оставалось: это было порно.

— Вот черт, — с отвращением пробормотал Салливан, быстро перелистывая карточки. Среди вороха тел чаще мелькали совсем молодые лица. Не дети, но образы заставляли задуматься. Салливану даже пришлось рассматривать некоторые снимки внимательнее. Но нет — наметанный взгляд копа четко видел: всем участникам запрещенных съемок было больше двадцати лет. Правда, ситуация от этого менее мерзкой не становилась.

— Значит, наш «белый живчик» был не только владельцем собаки, — тихо сказал Пирс, подхватив одну из выпавших фотографий. На ней была запечатлена девушка в очень обтягивающей короткой юбке, совершенно не скрывавшей отсутствия трусиков, но подчеркивавшей наличие пояса для чулок. А поза незнакомки была настолько откровенной, что не оставляла места для фантазии. — Он этим промышлял. Снимал. Продавал. Черт его знает, нужно выяснять. Грязный бизнес, Бруно. Очень грязный.

— И очень опасный, — мрачно констатировал Салливан, захлопывая папку. — Всегда есть риск начать шантажировать клиентов. Кто знает, кому именно он продавал вот эту «красоту». Документы нашли в его кармане — имя Артур Мелвин. К нашему возвращению в участок ребята должны выяснить, кто он, где живет, кем работает. Боже, вот толь-

ко подпольной порнухи мне и не хватало. Если журналисты узнают, вцепятся в это дело бульдожьей хваткой.

— Они и так вцепятся, Бруно, — Джек с щелчком закрыл зажигалку и сунул ее в карман. — Как будто ты не знаешь.

— Одно дело писать про очередной труп, найденный в неблагополучном районе, а совсем другое — о том, что был убит распространитель порно. Чуешь разницу?

— Да, начальник участка будет в ярости и развесит всю твою команду на галстуках в окно.

— Лучше заткнись, Пирс, — зло сплюнул на пол Салливан. — Просто заткнись!

Он собрал все вещи, захлопнул чемоданчик, сунул его под мышку и решительно направился к выходу. Пирс, бросив последний взгляд на пыльные полки камер хранения, последовал за ним. Молча.

Обратная дорога к участку оказалась не такой спокойной, как прежде. Салливан был в ярости: пальцы так сильно сжимали руль, что костяшки побелели. Пирс хмурился, глядя через запыленное стекло на осенний пейзаж — природа только начала окрашивать его в увядающие тона. Солнце, низко висящее над горизонтом, посылало теплые лучи, но в тени уже ощущался прохладный сентябрьский воздух. По обе стороны дороги тянулись поля, покрытые сухой травой; на горизонте лес возвышался багрово-зеленой стеной — загадочный и неприветливый. Редкие облака, рассеянные

по небу, отбрасывали на землю причудливые тени, которые быстро перемещались.

Несмотря на кажущуюся умиротворяющей картину, спокойствие не приходило к двум законникам. В салоне автомобиля витал густой прогретый воздух, наполненный запахом старого кожаного сиденья, бензина и невысказанного раздражения.

— Порно, черт подери! — первым не выдержал Салли.

Он с раздражением ударил ладонью по рулю — старый «Форд» вильнул на пустой трассе. За этим последовал поток грубых и витиеватых выражений. Бруно себя ни в чем не сдерживал — ни в фантазии, ни в словесных оборотах.

— Да-да, и ту мать, и того отца! Успокойся, — Джек терпеливо дождался, пока коп выдохнется, глядя на проплывающие за окном телеграфные столбы и постукивая пальцами по обшарпанной панели над бардачком. — Лучше скажи, что дал опрос миссис Мэй?

— Мэй? — Салли глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки. Взгляд уперся в длинную прямую ленту асфальта, уходящую к дымному пятну города на горизонте.

— Да, старушка на балконе. Седые волосы, оранжевая помада.

— Не помню.

Бруно задумчиво потер подбородок, ощущая колючую щетину, и бросил быстрый взгляд на Пирса. Опытный коп уже предвидел: дальнейший разговор ему не понравится. Потому что выскочка Джек Пирс сейчас будет справедливо

— а оттого весьма болезненно — высказывать ему, Салливану, за проеб на работе.

— Салли, не помнить ты можешь только в одном случае. Первое — ты не опросил ее сам. Второе — те, кто опрашивал, сделали это откровенно плохо. И информации от старушки, которая каждую ночь сидит на своем балконе и постоянно смотрит за улицей, у тебя просто нет!

— Это два случая, — буркнул коп, сворачивая на подъезд к длинному, ржавеющему мосту через Рэд-Крик.

— Да хоть десять, Салли! Ты смеешься, что ли? — В голосе Пирса впервые появились стальные нотки. — Я тебе буквально подарил готового свидетеля, не умолчал о ней, не нарушал порядок вашей работы, не лез куда не следует, уступив вам право вести это дело. И стараюсь помогать, а твои ребята...

— Мои ребята тоже могут ошибаться! — огрызнулся Бруно Салливан и бросил недовольный взгляд на Пирса.

Самое неприятное было в том, что мальчишка Пирс во всем прав. Хотя какой он мальчишка? Джеку уже тридцать четыре. За последний десяток лет он отлично поднаторел в работе. Давно не тот зеленый юнец, что пришел в участок после академии. Но привычка называть его малышом-Джекки никуда не делась. Да и не денется.

Салливан был упертый, как баран, и не любил менять привычки. Потому никогда не признается этому представителю семейства Пирсов, что считает его весьма смышленным. Не

признается, потому что Пирс — выскочка. Действует на нервы. Слишком много улыбается. Да и вообще раздражает Бруно одним видом — чистой, хоть и помятой после ночи, рубашкой. И дурацкой улыбкой. Хотя сейчас Джекки и не улыбается.

— Отлично. Вы продолжайте ошибаться, и скоро это дело потеряется среди других нераскрытых, — Джек устало покачал головой, глядя, как впереди вырастают первые уродливые очертания фабричных корпусов. — Вот поэтому я когда-то и ушел из участка. Ты ведь помнишь. Не понимаю, как люди еще могут верить в полицию.

— А как они могут не верить? — тяжело вздохнув и ментально успокаиваясь, спросил Бруно. В голосе звучало не злорадство, а горькая правда, которую ему пришлось познать на собственной шкуре. — Им нужно верить хоть во что-то, Пирс. И ты это знаешь.

— Да, знаю. Но копы слишком часто «ошибаются», прости, Салли, но тебе это так же известно, как и мне. И вот когда последняя вера в тех, кто должен защищать жителей города, совсем угаснет — что им останется, как думаешь?

— Уехать?

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— Понимаю. Но ты не сможешь в одиночку изменить систему. И я не смогу. Черт возьми, Пирс. Ты же осознаешь все это: и как к нам относятся, и какое давление оказывает на нас мэр и его окружение. И разборки между бандами. Взять

хотя бы О'Малли со своей группировкой. Ты знаешь, что они на прошлой неделе натворили?

— Откуда? Об этом вряд ли трезвонили на каждом углу.

— Ночью ворвались в пятнадцатый полицейский участок, дежурных копов заперли в камере, а сами до утра сидели там, напивались. По убыткам — сгоревшие дела, причем, конечно же, очень избирательно. Разгромленный участок, сломанный замок у оружейной, кстати, пустой. И ремонт, который город отказался оплачивать. То есть мэр в курсе происходящего.

— Какого?

Пирс со свистом выдохнул, вздохнул и кивком головы показал Салливану, что готов слушать дальше. За окном проплыли первые склады, и воздух наполнился знакомой едкой смесью химикатов и угольной пыли.

— А такого, что ребята из пятнадцатого пошли на принцип и завели несколько дел на парней из банды О'Малли. Как ты понимаешь, больше там самые принципиальные не работают.

— Живы?

— Угу. Правда, двое из них сейчас лежат в больнице и писают в утку.

В стареньком «Форде» на пару минут повисло молчание, густое, как смог над Фактори-Дистрикт. Мост через Рэд-Крик остался позади: равнодушные ржавые воды реки мерно текли, унося из Стиллуотера все яды и химикаты. А

впереди двух мужчин ждал очередной день в городе — попытка расследовать убийство, пес, с которым теперь вообще непонятно что делать, участок, работа... Фальшивые улыбки, глупые чаяния на что-то лучшее, попытки хоть что-то исправить. Обычная их жизнь, от которой Салли уже успел устать и которой Пирс нагло скалится в ответ, будто бросая вызов самому Стиллиутеру.

Джек растер ладонями лицо, стараясь прогнать усталость и стереть печать бессонной ночи.

— Ладно. Я заеду к старушке Мэй. Поговорю с ней. Мне кажется, она может многое рассказать. А ты, Салли, ты обязан проконтролировать работу парней. Чуйка буквально орет, что с этим трупом не все так очевидно, как кажется сейчас. Да, фото у него в чемодане занятные, и количество их напрямую указывает, что это не для личного использования. Но что-то тут нечисто. Рой, Салли.

— Без тебя разберусь!

— Конечно, разберешься. Поэтому и говорю — контролируй. Потому что если твои ребята ошиблись на первичном сборе информации, что им мешает ошибаться и дальше?

— Думаешь, кто-то что-то знает?

— Не, — Джек дернул плечом, глядя, как они въезжают в знакомые, пропахшие нищетой и отчаянием улочки Риверсайда. — Думаю, что показательные действия О'Малли для многих послужили поводом не проявлять особое рвение к работе.

Глава 4 Мэй

Полицейский «Форд», урча двигателем, подкатил к старому зданию семнадцатого участка. Его кирпичные стены были покрыты трещинами, словно лицо прожженного алкоголика — морщинами, а у входа кто-то ночью снова оставил свой след. Воздух здесь был пропитан соответствующим запахом. Бруно выключил мотор, и в наступившей тишине можно было услышать, как он скрипит зубами от раздражения, все еще размышляя о том, какие последствия для него и его команды может иметь эта проклятая находка в камере хранения вокзала. Чемодан, лежавший на заднем сиденье, буквально давил на нервы Бруно своим существованием.

— Пойдем, — буркнул он, открывая дверцу. — Посмотрим, что ребята нарыли по Мелвину. Может, адрес нашли, может, еще что.

Джек Пирс, уже поставив ногу на асфальт, покачал головой. Его взгляд был прикован к собственному «Паккарду-120», припаркованному через дорогу. Автомобиль стоял под осенним солнцем, и его темно-синий кузов хоть и был в пыли, но все же выглядел чужеродно-роскошным на фоне убогого полицейского участка.

— Позже, Салли, — сказал он, поправляя шляпу. — Сначала нанесу визит нашей общей знакомой. Как вернусь от миссис Мэй, обязательно зайду. Обменяемся информацией.

Возможно, к тому времени твои ребята действительно что-то найдут. Да и из морга отчет уже должен быть готов. Не вижу смысла терять время, сержант.

Салливан проворчал себе под нос что-то вроде «Умный, проклятый!», но не стал спорить. Он видел решимость в глазах Пирса. Тот уже мысленно был в Гнилом переулке. А еще он был прав. Опять. И это злило. Снова! Но какие бы эмоции ни испытывал Салли в отношении малыша-Джекки, не признавать его правоту было бы абсолютной глупостью. А дураком Салли никогда не был. И поэтому отказываться от дармовой, а главное, действительно толковой помощи он не стал.

Пирс быстрыми шагами пересек улицу, его пальто распахнулось, словно плащ. Он сел в «Паккард», захлопнул дверцу с глухим стуком и завел машину. Мотор отозвался ровным гулом. Джек даже усмехнулся: не часто на этой улице кто-то рассекает на «Паккарде», чтобы завезти в полицейский участок несколько свежих булочек. Мотнув головой, Пирс бросил взгляд на вход в участок, где уже скрылся Салливан. Уголки губ приподнялись в усмешке. «Всему участку, и особенно Бруно, не помешает провести побольше времени с этим милым, добродушным псом», — подумал он. И ведь действительно, в доге было все прекрасно: его преданный взгляд, мощь, даже его грустная морда. Если не считать разрушительной силы, крайне любопытного характера и желания все попробовать на зуб. Особенно на зуб. Джек с

содроганием вспомнил свою штучную пепельницу, павшую под натиском длинного гибкого хвоста. И диванную подушку, погибшую в пасти дога.

Детектив решительно отвернулся от участка, включил передачу и тронулся с места, оставляя за спиной полицейских и их общение с четвероногим ураганом.

Дорога до Гнилого переулка заняла не так много времени. Сентябрьское солнце, уже не такое жаркое, как летом, золотило крыши домов. Воздух, благодаря ветерку, сегодня оставался более свежим. А вот кисловатый, с примесью тухлятины и химикатов, аромат с реки невозможно было победить никаким сквозняком. Пирс припарковал «Паккард» напротив дома миссис Мэй и вышел из машины. Его взгляд тут же устремился к балкону второго этажа — к тому самому балкону с плетеным креслом.

Кресло было пустым. Балкон, впрочем, тоже.

Джек нахмурился. По его расчетам, старушка Мэй должна была быть здесь. Она же, по ее же словам, не спускала глаз с переулка! Прищурившись, Джек быстро прикинул расположение квартиры старушки Мэй и уверенно направился к подъезду с тяжелой входной дверью. Темный, пропахший котами, какой-то выпечкой и, отчего-то, тонким ароматом цветов подъезд встретил его прохладой. Поднявшись на второй этаж, Джек нашел нужную квартиру и постучал.

Прошло с десятков секунд, прежде чем из квартиры донеслись звуки неторопливых шагов. Загремели замки, и дверь с

протяжным скрипом отворилась.

Джек Пирс, известный частный детектив, за годы службы в полиции и последующей работы в агентстве успел повидать многое. Отпрыск богатой семьи, он был привычен к светским мероприятиям и изысканной красоте. Но сейчас Джек не смог сдержать удивленного свиста и даже слегка отпрянул, пораженный увиденным великолепием.

Перед ним стояла миссис Мэй. Но не та, которую он видел прошлой ночью, — сгорбленная тень в темном платке. Эта женщина была... сногшибательной. В буквальном смысле слова. Седые волосы с фиолетовым оттенком были уложены в элегантную, даже несколько дерзкую прическу с мелкими локонами, подчеркивающими благородные черты лица, погребенные за множеством морщин. На губах — та самая яркая, насыщенная, оранжевая помада. Она бросала вызов всем дорожным конусам, какие только могли существовать. На миссис Мэй было старенькое, но безупречно скроенное платье из темно-синего крепа, заштопанное всего лишь в двух местах. Зато на ее шее сверкали бусы из настоящего жемчуга, от которых даже в полумраке коридора исходило мягкое сияние. Она выглядела так, будто собиралась не на свой балкон в Гнилом переулке, а в ложу оперного театра. Закрытого. Несколько разрушенного и давно утратившего свой блеск, как и сама Мэй, но все же это была бы запоминающаяся встреча двух увядающих кокеток.

Пирс замер, буквально потеряв дар речи. У него только мелькнула в голове мысль: «А жив ли муж миссис Мэй, и если нет, то не такая ли красота послужила причиной скоропостижной кончины мистера?». Но Джек все же был воспитанным молодым человеком и быстро выкинул из головы неподобающие мысли.

Мэй не растерялась, услышав мужской свист. Она уверенно положила руку на бедро, изогнулась своей уже по-старчески сгорбленной фигурой, и ее умные, насмешливые глаза

блеснули.

— Красавчик, я тебя уже заждалась, — сказала она низким, хрипловатым голосом с легким придыханием.

В коридоре повисла тревожная тишина. Пирс был ошеломлен. Мэй стояла неподвижно, будто не дышала, сохраняя свой образ до последнего. Она напоминала актрису, произносящую финальную реплику в пьесе... Но ее спокойствие оказалось недолгим. Она кашлянула, прикрыв рот ладонью, и с легкой насмешкой посмотрела на гостя своими слезящимися глазами. Затем, изящно махнув рукой, на которой проступали вены, Мэй прекратила свое притворство и пригласила Джека войти.

— Заходи, заходи, не стой на пороге, не терплю сквозняка в доме. Чай будешь? Или кофе? Кофе крепкий, не то дерьмо, что в участках варят. Поверь, я там бывала, пробовала те помои.

Пирс, все еще несколько ошеломленный появлением Мэй в таком образе, переступил порог. Квартира была небольшой, скромной, если не сказать бедной, но чистой и даже уютной. На старой, но начищенной до блеска плите стоял эмалированный кофейник. В воздухе витал легкий запах табака, кофе и воска для полов.

— Кофе, пожалуйста, — с трудом выдавил он, снимая шляпу и стараясь придать своему голосу уверенность. — Черный, без сахара.

— Так я и знала, — фыркнула Мэй, направляясь к плите.

— Все вы, детективы, любите черный кофе. Думаете, от этого внимательнее будете и умнее. Вздор! От этого только же-
лудок портится. А потом лет в пятьдесят лежите в больнице
и думаете, с чего это? Пф!

Ворча, Мэй тем не менее налила кофе в две простые бе-
лые керамические кружки и вынесла их на балкон. Пирс по-
следовал за ней. Тот самый балкон. Тот самый вид на вход
в Гнилой переулок, который днем казался еще более убогим
и неприглядным. Мэй устроилась в своем любимом кресле,
кивнув Джеку, чтобы устраивался, где ему удобно. Вариан-
тов было немного: либо остаться стоять, либо присесть на
трехногую табуретку, покрытую вязаной накидкой сомни-
тельного вида. Старушка достала из кармана платья пачку
папирос, смяла фильтр, зажала его губами и, чиркнув спич-
кой, прикурила, даже не подумав воспользоваться мундшту-
ком. Выпустив струйку едкого дыма в прохладный воздух,
Мэй с прищуром посмотрела на Джека:

— Ну что, симпатяга, — начала она. — Пришел расспро-
сить старую Мэй, что она видела? Так и знала, что именно
ты догадаешься обратиться ко мне. Ведь я многое вижу со
своего балкона. Вчерашнего покойничка, например.

Мэй замолчала, с прищуром осматривая улицу. Джек не
был дураком, он прекрасно понимал, что старушке скучно,
и быстрого разговора у них не выйдет. Не бывает так, что-
бы везло на сто процентов: и свидетель тебе, и согласие на
разговор, да еще и без лишних слов. Нет, конечно. Поэтому

детектив быстро включился в игру.

— Даже не сомневаюсь, что вы многое видели, миссис Мэй. Еще с нашего первого разговора понял, — улыбка скользнула по его губам. — Хотя в ночи вы маскируетесь очень хорошо.

— Да, так хорошо, что какой-то молодой детектив... ты ведь детектив? — Джек кивнул, подтверждая догадку самой главной свидетельницы дела об убийстве. — Ну, я так и поняла, когда стало очевидно, что ты меня с первого взгляда рассмотрел.

— Просто у меня есть бабушка. И у нее тоже отменное чувство юмора.

Джек никогда не признается Мэй, что его Ба — леди до мозга костей, но при этом та держит в ежовых рукавицах всех соседей, детей, бывшего мужа, и даже коты ее слушаются с первого раза. В общем, его Ба никогда не проводила время, сидя на балконе, закутавшись в шаль и наблюдая за чужими преступлениями; она скорее возглавила бы местную банду и исключительно от скуки навела бы порядок в этой части города.

— Ах, вот в чем твой секрет! — рассмеялась Мэй сухим, каркающим смехом.

В Риверсайде у многих был такой кашель, из-за близости старого завода. Отсмеявшись, Мэй переключилась на рассказ об Артуре Мелвине:

— Он, к слову, жил где-то недалеко. Думаю, не дальше

пары кварталов отсюда. Частенько наведывался в нашу Гнилушку. Ночью, разумеется. Всегда с этим черным зверем. Всегда пешком. И никогда, слышишь, никогда ничего с собой не носил. Ни чемоданчиков, ни свертков. Так, руки в карманах. Иногда с папкой под мышкой, разве что. Не более того. Но ничего крупнее. Да и папку я видела у него всего лишь дважды.

Мэй сделала еще одну затяжку, ее взгляд блуждал по переулку внизу, будто читая невидимую книгу воспоминаний.

— Несколько раз видела его гуляющим с догом по другой стороне улицы, поздно вечером. Но в переулок он тогда не заходил. Просто прогуливался, как джентльмен в парке. Смешно, да? — она усмехнулась, и в ее глазах вспыхнули язвительные искорки. — Важный такой идет, со всеми раскланивается, шляпку приподнимает. Как будто старая Мэй не знает, каков он на деле. Ночами, красавчик, ваш труп был совсем другим. Возраст, конечно, никуда не денешь, он накладывает свой отпечаток. Оттого мужчина двигался несколько медлительно. Осторожно. Но, гуляя вечером с псом, он создавал впечатление благообразного жителя города. А вот ночью в движениях появлялась осторожность другого плана. Он как будто был настороже. Более хищные движения, плавные. Не могу сказать, что от него исходила какая-то опасность. Но что-то такое было. Знаешь, неуловимое. Вот смотришь на человека и понимаешь: ничего хорошего от него ждать не приходится. Я много за ним наблюдала, знаю, о чем

говоря. Но вот что именно он делал в переулке и какие делишки там обстряпывал, не знаю. Гнилушка мне недоступна. Я же только один вход в переулок вижу. Даже не всегда видела, кто с этим собачником там встречался. Стена мешает. Но у меня, детектив, уши есть, знаешь. А ночами город звучит совсем иначе. И гул заводских труб мне совсем не помеха, за всю жизнь привыкла с ним жить. И шелест денег я на слух прекрасно знаю. Так вот, скажу тебе с уверенностью: собачник точно за что-то получал в Гнилушке денежки. Регулярно.

Пирс молча слушал, попивая горячий, обжигающий и на удивление вкусный кофе. Он уперся спиной в кованые перила балкона и не сводил взгляд с Мэй. Ему уже было плевать на то, как она выглядит. Острый ум старушки и ее наблюдательность восхищали Джека. И он не понимал — куда смотрят копы? У них здесь готовый информатор обитает! Вербуй да работайте вместе на общую выгоду. Немного приплатить Мэй, навещать ее время от времени, чтобы старушка не скучала, и все. Дело в шляпе. Хмыкнув, Джек сделал себе мысленную отметку предложить Мэй работать с ним. Не постоянно, а так, время от времени, когда работа будет заставлять его мотаться в Риверсайд. А такое случается частенько. Да и несложно ему немного помочь этой удивительной женщине, не оскорбляя ее чувство собственного достоинства. А в том, что Мэй не возьмет денег просто так, он был уверен.

— И кто же ему эти деньги приносил? — спросил Джек.

— А вот это самое интересное, — Мэй выпустила дым колечком. — Визави его не всегда приходили с этой стороны. Но тех, кого я разглядела, были мужчинами. Совершенно разными. Средний возраст, в основном. Но один — щеголь, в дорогом пальто, с тросточкой. Другой — какой-то дерганый тип, в засаленной куртке, похожий на мелкого воришку. Кто-то был с оружием за поясом, а другой — в интеллигентного вида очках и с кожаным кейсом. Слишком разные экземпляры, чтобы можно было предположить, что их объединяет. Разве что все они были клиентами твоего покойничка.

— Наркотики? — предположил Пирс.

Мэй решительно мотнула головой, сбрасывая пепел с сигареты прямо через перила.

— Уверена, что нет. Будь эти типы наркоманами, шныряли бы тут куда чаще. А так — встретились, переговорили, рассчитались и пропали. Значит, дело было не такое уж грязное. Или очень грязное, но не про наркотики. У торчков ведь как? Им постоянно нужна доза, пока не окочурятся где-нибудь от передоза. А эти... Кажется, я только одного видала несколько раз. Да-да, точно, тот тип с тросточкой, вот он приходил на встречу пару раз. Остальные мне на глаза только однажды и попадались. Может быть, конечно, и с другой стороны переулка подходили, но в любом случае это что-то другое. Да и не любят у нас здесь распространителей. Было бы дело связано с дурманом, вашего трупа прибили бы уже давно. Он же не один год своими делишками занимался, а

значит, точно дело в чем-то другом. И вот еще что. Пес, которого ты прибрал к рукам, так привык, что вокруг хозяина крутятся незнакомцы, что никогда первым не нападал. Максимум — недовольно ворчал. Я как-то подслушала, как хозяин однажды кому-то говорил, что его зверь нападает только по особой команде. Понимаешь? Пес был дрессированный. Не просто зверюга.

Пирс кивнул, мысленно отмечая эту деталь. Это многое могло бы объяснить. Например, почему у псины в пасти не было следов крови. И почему он не стал нападать на копов и дока Элиота, когда те крутились рядом с трупом. А также это определенно ставило точку на предположениях о том, что преступник может быть со следами укусов собаки. Не может. Потому что на него, очевидно, никто не нападал и никто его не кусал. Проклятье!

— А прошлой ночью? — мягко спросил он. — Вы видели, что произошло?

Мэй нахмурилась, ее накрашенные губы сжались.

— Нет. Не видела. Ваш парень пришел один, ближе к часу ночи. Пес был беспокойным вчера. Потом я слышала голоса. Двое мужчин. Ну, один определенно уже труп, второй — не слышала ни разу. Да и слов было не разобрать. Пара фраз, не больше. А потом, знаешь, прошло не более минут пяти, и вдруг звук падения. Тяжелый, глухой. Я тогда сразу подумала — труп. Насмотрелась уже на всякое. Но привычной суеты после преступления не было. Понимаешь, да? Ни

торопливых шагов. Ни криков. Собака не проявила беспокойство, не залаяла тревожно. Ни ругани. Ничего. Тишина. Только спустя где-то полчаса, а может, минут сорок, пес начал активно рычать. Потом поднялся визг, непонятный, приглушенный. И все снова стихло. Вот после этого я и позволила копам. Анонимно, — Мэй многозначительно посмотрела на Пирса. — И если кто спросит, я ни за что не признаюсь, что это я вызвала кавалерию. Понял, красавчик? Мне и своих проблем хватает.

Пирс не стал рассказывать ей, что, по его мнению, произошло. Мэй права — ей проблемы ни к чему. Да и потом, он сюда пришел, чтобы получить информацию, а не делиться ходом расследования с наблюдательной старушкой. Хотя нужно отдать должное Мэй, она значительно облегчила ему, Джеку, работу. Да и не только ему. Нужно будет намекнуть Салли, что неплохо было бы как-то отблагодарить ценного свидетеля.

Но вместо каких-либо обещаний и долгих разговоров Джек просто отставил на небольшую тумбу, служившую Мэй столиком, свою кружку и, оттолкнувшись от перил, галантно поклонился леди Мэй:

— Спасибо за информацию. Вы даже не представляете, насколько полезны все ваши наблюдения и особенно умозаключения. Без шуток, миссис Мэй, вы очень помогли.

— О, представляю, — усмехнулась она, затушив очередной окурок в переполненной пепельнице. — Можешь не со-

мневаться, я прекрасно понимаю, что то, о чем я рассказала, действительно может быть важным для твоей работы.

Поднявшись со своего стула, Мэй проводила Джека до двери. Разговор был окончен, но на пороге, взявшись за ручку, Пирс обернулся. Его взгляд оставался серьезным.

— Мэй, скажите, а по скольким делам вы могли бы быть свидетелем, если бы копы знали, к кому обратиться?

Старушка выпрямилась во весь свой, внезапно оказавшийся весьма внушительным, рост. Ее взгляд стал обжигающе холодным и неприятно цепким, когда она прямо посмотрела на Джека.

— Для них? Ни по одному, — отрезала она. А потом ее лицо озарила хитрая улыбка. — А ты заходи, симпатяга Джек Пирс. Тебе я, вероятно, очень многое могу рассказать. Если будет интересно, конечно.

Они обменялись взглядами — долгими, многозначительными. Два таких разных человека, нашедшие друг в друге неожиданное отражение своих взглядов и принципов. Пирс кивнул Мэй, после чего молча вышел из квартиры старушки и тихо прикрыл за собой дверь. Спускаясь по темной лестнице, он усмехнулся. Подумать только, идя к миссис Мэй, рассуждал о том, что она могла бы быть информатором для копов, и вместо этого сам только что заполучил самого ценного информатора по происшествиям в Риверсайде, практически не прилагая усилий. И это была не очередная жеманная секретарша из мэрии или дерганная шестерка из низов какой-то

банды. Мэй была во много раз круче. Старуха с оранжевой помадой и пачкой дешевых сигарет в кармане старого платья. Все же Стиллуотер никогда не перестает его удивлять!

Глава 5 Приют на холме

К семнадцатому участку Джек подъехал уже в сумерках. День, проведенный в разъездах, подходил к концу. Дорога к Мэй могла бы и не занять так много времени, но желудок Джека не постеснялся напомнить, что с утра во рту у него побывала только половинка тоста — вторую половину, как и остальной завтрак, смел дог, — да пара кружек кофе. Поэтому пришлось делать остановку у кофейни и хоть раз за день нормально поесть. В конце концов, рассуждал Пирс, дело об убийстве Артура Мелвина — не его забота. И работает он над ним, потому что ему действительно интересно, а не потому, что кто-то потрудились принести ему в клюве чек на кругленькую сумму за раскрытие этого преступления. Так что, заказав себе кофейник свежего кофе, запеченный картофель, хороший сочный стейк и даже добрый кусок яблочного пирога, Джек с удовольствием потратил сорок минут на еду, не обращая внимания ни на заигрывания официантки, ни на странную компанию мужчин подозрительного вида, которые с заговорщицким видом что-то обсуждали совсем недалеко от детектива. Он с аппетитом ел, обжигал язык горячим кофе и все думал, думал и думал о словах Мэй.

В участке он появился уже спокойным, уверенным в своих выводах и совершенно не ожидавшим встретить там настоящий погром. А он его встретил! Или, точнее сказать, это по-

гром встретил детектива Джека Пирса. А еще громкий лай, от которого непроизвольно приподнимались волоски на затылке и во всей красе проявляло себя чувство самосохранения, буквально заставляя задуматься: а не уехать ли домой прямо сейчас? Но, во-первых, Пирс никогда не был трусом. Во-вторых, лай мог принадлежать только догу, а Джек с ним уже как-то сроднился, и детективу вовсе не хотелось, чтобы пес каким-либо образом пострадал, пока находился под пристальным взглядом бравых полицейских. А еще его заставлял идти вперед громкий голос Салливана, который столь заковыристо кого-то отчитывал, что не посмотреть на это Джек просто не мог. Еще в коридоре его заинтересовала большая лужа и куча тряпок среди нее. Обойдя разлившееся озеро, Джек медленно толкнул дверь и очутился в просторном кабинете на шесть столов. Вдоль стен он увидел четверых полицейских с пистолетами в руках, но их дула были направлены в пол. На одном из ближайших к выходу столов сидел Коулман и с большими глазами смотрел на замершего в дверях Пирса.

— Уйди, — одними губами произнес Майк, боясь пошевелиться. — Уходи, он сошел с ума!

Королевский черный дог, тут же повернувшись в сторону офицера, разразился новой серией лая, при этом не прекращая скалиться.

— Какого демона у вас тут происходит? — удивленно присвистнул Джек, видя на полу и валяющиеся папки, и воду, которая, судя по всему, затекла из коридора.

— Он сломал радиатор, — сплюнул на пол Салливан, который замер у дверей своего кабинета. Старший в этом бедламe, он стоял злой как черт и красный как свекла.

— Кто?

Джек медленно снял шляпу и внимательно посмотрел на Салливана. Бруно был чертовски зол, до такой степени, что

казалось: одно неловкое движение — и от кабинета вообще мало что останется, потому что у Салли сорвет крышечку.

— Проклятый пес вырвал радиатор к чертовой матери! Еле смогли загнать монстра в кабинет. Вот скажи, Пирс, какого проклятого бога ты оставил этого монстра в участке?!

— Во-первых, Салли, смею напомнить, что этот пес — свидетель по делу, и я совершенно точно не должен был вчера забирать его к себе домой. Так что это была лишь услуга с моей стороны, иначе вы таким образом развлекались бы здесь всю ночь! — Джек, не скрываясь, растянул губы в усмешку и незаметно для Салли показал псу кулак. — Во-вторых, каким образом он это сделал, хотелось бы мне знать?

— Кот, — вздохнув, принялся объяснять Коулман. — Черт его знает, откуда взялся, обычный бродячий кот. Он забежал в участок, этот, — осторожный кивок в сторону пса, — словно взбесился. До этого, главное, спокойно сидел, лопал еду, мы ему там на бумаге организовали, вел себя нормально, а тут как бесы в него вселились. Дернул раз, другой, лай стоял такой, что уши закладывало, мы растерялись, буду честным, а когда сообразили, что дело в коте, уже было поздно, радиатор...

— К херам вырвал он радиатор, — проскрипел Рорк, который сидел на полу у одного из столов, и только поэтому его Пирс сразу не заметил. — Носился здесь как припадочный по всему участку, пока кота не закрыли в коморке. Только после этого смогли этого демона заманить в кабинет. А он и

тут погром устроил, сукин сын! Я его за поводок поймал, так он меня по всему коридору как пушинку протащил! Меня!

Джек старательно замаскировал неуместный смешок внезапным кашлем. Рорк был не тем парнем, кто стерпел бы насмешку.

— Зато, — мрачно оглядывая свою команду, решил поделиться радостью Салли, — все преступники сегодня небывало тихие. Один раз увидели этого монстра рядом с камерами, так тишина весь день. Только иногда шепотом просят водички попить.

И все же Джек не выдержал, рассмеялся. А затем, скинув пальто на ближайший стол, не обращая внимания на шепот Коулмана, подошел к псу и потрепал его за ухом.

— Ну и что ты здесь устроил, паршивец?!

Пес заворчал, его длинный гибкий хвост забил о пол, поднимая пыль. Радиатор с противным скрежетом сдвинулся чуть в сторону, а в глазах черного монстра Джек с легкостью увидел первые признаки вины.

— И не надо так на меня смотреть! Вот сдадут тебя в питомник, будешь там сидеть, пока не понадобишься, а потом усыпят, и вся история. Этого добиваешься? М? Нет? Тогда не трепи нервы копам. Ты сейчас полностью зависишь от них!

Дог, прислушиваясь к интонациям Джека, вдруг сел на пол боком, как делают все щенки и не очень-то дрессированные собаки, и вывалил розовый язык из пасти.

— И не подлизывайся мне тут! Сказал же, что ты работаешь с копами, значит, с ними.

— О черт, Пирс, избавь нас от этого чудовища. Ты с ним нашел общий язык. Иначе мы точно его усыпим. Пуля в лоб — и всех делов. — Салли, поняв, что при Пирсе черный монстр по непонятным причинам будет вести себя более чем смирно, дал ребятам знак убрать оружие и сам уже куда как более смело прошел в большой кабинет, чтобы, встав у одного из столов и скрестив руки на груди, строго спросить: — Удалось раздобыть какую-то информацию?

— Даже не сомневайся. — Джек искоса посмотрел на Салливана и мило улыбнулся ему. — Например, Мэй утверждает, что пес дрессированный. Так что вам достаточно было отдать ему несколько команд, и он не стал бы разносить ваш кабинет.

Полюбовавшись вытянувшимися лицами бывших коллег, Джек продолжил:

— А еще старушка поделилась очень интересной информацией...

Что ж, вниманием Пирс завладел. Взгляды всех присутствующих — и даже пса — были обращены на него. Джек кратко, но емко изложил то, что узнал от Мэй: о ночных визитах Мелвина в переулок, о разных клиентах, о денежных расчетах, о дрессированном псе, который атаковал только по команде, и о странной тишине после убийства. Закончив, он выразительно посмотрел на Салливана.

Тот тяжело вздохнул, плюхнулся на стул, с которого предварительно смахнул брызги воды, и достал потрепанную папку.

— Ладно. Ребята тоже успели поработать до происшествия с котом. Артур Мелвин. Пятьдесят восемь лет. Жил как раз в трех кварталах от Гнилого переулка, на Роттен-роу, 14. В последние шесть лет работал в местном почтовом отделении фасовщиком. Нареканий к работе — ноль. Тут вот описание из характеристики с места работы: добродушный, тихий, немного замкнутый. Но при этом его уважали. Скандалов не было, в темных делах замечен не был. Никаких долгов, азартных игр, связей с бандитами. Как говорится, стерильный малый.

Он перелистнул страницу.

— А вот дальше — интереснее. Подняли его послужной список. Оказалось, двенадцать лет назад он работал не на почте. Он был одним из служащих в «Приюте Святой Марии».

В комнате на секунду стало тихо. Даже пес перестал делать вид, что спит, и насторожил уши, почувствовав изменение в атмосфере. Несколько копов переглянулись, на их лицах промелькнули одинаковые гримасы отвращения.

— «Приют на холме»... — тихо проскрипел Рорк, перекрестился. — Черт бы побрал это место.

По плечам Пирса пробежались колкие мурашки. Проклятый приют!

В голове детектива как по заказу начали всплывать хо-

рошо известные, но весьма обрывочные факты темной истории. Примерно двадцать пять лет назад в старом особняке Грантов — семьи основателей Стиллаутера — благодаря попечительскому совету и их благотворительным сборам открыли приют для беспризорников. Всего около ста пятидесяти детей там проживали одновременно. И идея-то была прекрасной, и даже какое-то время все отлично работало, пока те самые двенадцать лет назад в приюте не случился большой пожар. Вот тогда-то и вскрылась правда. Под крышей особняка собралась компания энтузиастов-ученых, которые посмели ставить опыты на детях. Даже сейчас, спустя много лет, Джек не понимал, как кому-то вообще могло прийти в голову такое зверство. Но дело — давно минувших дней. Тогда, когда в Стиллаутере разразился огромный скандал, он был студентом полицейской академии и не знал многих деталей дела. Да и кто бы ему сообщил подробности? А значит, их нужно выяснить непременно! Сделав мысленную пометку, Джек посмотрел на Салли:

— Тогда вроде как многие работники были осуждены, так?

— Да, но не все. Только те, на кого смогли указать пострадавшие дети. А они, знаешь, не все, конечно, но некоторые из них были в ужасном состоянии. Не все в здравом уме. Кто-то и вовсе погиб в пожаре. Там такая путаница была, страшно вспомнить. Ну и потом сроки, Пирс. Все, кто был осужден, получили разные сроки согласно степени тяжести

преступления, кто-то мог уже и выйти. А до кого-то у копов и тогда руки не дотянулись. Сам понимаешь.

Джек понимал. И это понимание его злило больше всего.

— Ты смотри, — внимательно глядя на детектива, задумчиво протянул Бруно. — Если вдруг соберешься ехать к приюту, на своей машине не суйся, дорога там узкая, старая, по бокам тисы растут, всю краску обдерешь.

— Услышал тебя, — вернув внимательный взгляд Салли, Джек кивнул. Если Бруно хочет составить компанию, то зачем отказываться? — Ты думаешь, что давние дела в приюте могут быть как-то связаны с этим убийством?

— Понятия не имею, — Бруно обвел взглядом помещение, и его взгляд остановился на черной морде пса. — Сегодня парни не все успели выяснить, конечно. Но любую информацию необходимо проверить, ты же знаешь.

— Да уж. Особенно то, был ли этот Артур Мелвин вообще под следствием.

Обсудив еще несколько незначительных деталей и поняв, что новых зацепок пока нет, Пирс собрался уходить. Забрав пальто, нацепил шляпу и замер под тяжелыми взглядами копов.

— Что? — спросил он удивленно, охватив взглядом всех, кто был в кабинете. Они смотрели на него с нескрываемой надеждой.

— И куда ты? — спросил Салливан, и в его голосе прозвучала несвойственная ему заискивающая нотка.

— Домой, Бруно. Мне нужно поспать, принять душ и подумать над всем этим.

— А... а он? — Салливан кивнул в сторону пса, который, словно почувствовав, что речь идет о нем, поднял голову и уставился на Пирса преданными, почти человеческими глазами.

Пирс вздохнул. Он посмотрел на сломанную батарею, на копов, на неожиданно добродушно-дружелюбное выражение лица Салливана. Мысленно представил, что будет с его квартирой, но мысль о том, что этот пес — единственная живая ниточка, связывающая их с убитым, и ключевой свидетель, перевесила. Ладно, вероятно, на самом деле чашу весов перевесила жуткая фантазия, в которой дога усыпляют.

— Ладно, черт побери, — сдался он. — Давайте его сюда. Но если он съест мой диван, Салли, я выставлю счет тебе. Лично!

Салливан чуть не бросился обнимать малыша-Джекки, но вовремя остановился. Еще чего не хватало! Поводок был торжественно вручен Пирсу. Пес, как ни в чем не бывало, встал, потянулся и деловито направился к выходу, волоча за собой частного детектива. На прощание он обернулся и, казалось, усмехнулся, оскалив зубы в сторону уставших полицейских.

Джек Пирс вышел из участка, ведя на поводке огромного черного дога. У него в руках была папка с копией отчета по Артуру Мелвину. В голове крутилась темная история о при-

юте, а рядом шагал живой, дышащий проблемами королевский дог, который определенно был рад выйти из участка. Очередной день в Стиллуотере подходил к концу, а расследование только начиналось.

Последующие пару дней прошли для Джека в относительно спокойствии. С псом им почти удалось договориться. Тот повадился непростительно рано поднимать лай в квартире, требуя прогулки, и так же вел себя вечером; в остальное время проблем от него не было. Подумаешь, Пирсу пришлось отдать ему несколько своих диванных подушек, освободить все нижние полки в книжном шкафу, постараться убрать все наиболее хрупкие вещи куда-то повыше, а потом еще раз — туда, откуда они не смогут упасть. Но зато, как оказалось, ранние подъемы освобождали много времени, и для работы в том числе. Джек смог посетить библиотеку, затребовать подшивку газет двенадцатилетней давности, хоть так пытаясь освежить в памяти произошедшее в приюте. Но журналисты есть журналисты: много кричащих заголовков и очень мало по-настоящему ценной информации. Единственное, что Джек смог узнать из газет: должен быть список выживших и погибших при пожаре детьми. В остальном он очень четко понял: когда копы этого хотят, информация все же может держаться в секрете от вездесущих работников пера.

Поездка к Приюту Святой Марии ничего не дала. Быв-

ший особняк Грантов стоял заброшенным. И если издали он выглядел величественно, расположившись на холме и наблюдая за городом через многочисленные окна на фасаде из красного кирпича, то вблизи представлял собой жалкое зрелище. Большой части стекол не было, двери и многие окна были заколочены, восточное крыло все покрыто копытью, а в щели окон можно было рассмотреть сгоревший интерьер комнат. Только стены и потолочные балки «радовали» взгляд.

Участок рядом с особняком тоже был запущен, весь заросший травой, заваленный сухими ветками. Проведя на территории особняка не более двадцати минут, Пирс уехал отсюда. Соваться в заброшенное здание без сопровождения спасателей он не рискнул. Да и чтобы рисковать, неплохо было бы понять, что именно Джек хочет найти в особняке. В том, что оттуда вынесли все сохранившиеся документы еще во время следствия после пожара, сомневаться не приходилось. Как и в том, что за долгие годы из особняка вынесли любую мало-мальски хорошую мебель. И вообще, хорошо, если, попав внутрь, Джек не обнаружил бы там гнездо бомжей вместе с характерными запахами, антисанитарией и кучей старых вещей.

Отложив исследовательские порывы до лучших времен, Пирс еще пару раз съездил к Гнилому переулку, пытаясь найти хоть какие-то зацепки по делу. «Белый живчик» — эта надпись все не давала ему покоя. И если бы не она, Джек

уже давно бы признал, что дело станет очередным висяком и тратить время на него бесполезно. Вот только эта надпись... Глупость какая-то, но глупость, разительно отличающая эту смерть от сотни похожих, нелепых убийств в ходе разборок каких-нибудь дельцов и их недовольных, нечистых на руку клиентов. Да и не верил детектив, что продавец порно мог так сильно кому-то насолить. Судя по рассказу Мэй, Артур Мелвин не один год был в этом деле, и рисковать, шантажируя кого-то? Не производил погибший впечатление глупца. Никак. На работе о нем слишком хорошо отзывались. Мэй тоже отметила умение Артура меняться из благообразного гражданина на прогулке с псом в более опасного типа с хищными повадками. А уж плавные движения и мягкую поступь даже через описания свидетеля сложно было не признать. Так двигались лишь те, кто точно знал о своей силе.

Джека цепляло это дело и не отпускало. Интересное. Необычное. И слишком сильно ему хотелось докопаться до правды. Поэтому, когда на третий день после ухода из участка он прочитал в утренней газете новости об убийстве в Гнилом переулке, то, не допив кофе и прихватив с собой пса, которого привык называть Чудищем, отправился в полицейский участок. «Стиллуотер Дейли» умели писать заголовки, мотивирующие к работе.

«ТИШИНА В ГНИЛОМ ПЕРЕУЛКЕ: УБИЙСТВО ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЕЙ ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ.

Подзаголовок: Полиция не комментирует отсутствие сви-

детелей и зацепок по делу об убийстве Артура Мелвина».

Хлесткие слова. Но не это заставило Пирса изречь несколько крепких словечек по пути в участок. Каким образом писаки прознали и об убийстве, и о личности убитого?

Хотя, к чему эти вопросы? Джек давно уже привык к тому, что журналисты зачастую узнавали новости раньше, чем в городе что-то происходило. Вот у кого полиции бы поучиться работе с осведомителями. Особенно в той части вопроса, где становится очевидным, что за информацию нужно платить. Но вряд ли в бюджет хоть одного полицейского участка — не то что города, а целой страны — входит такая графа, как «средства на подкуп осведомителей».

В участке их встретил Салли, который сидел за одним из столов в общем зале и с философским равнодушием просматривал газеты.

— Привет, Пирс, — затянувшись сигаретой, пробормотал Бруно, кидая на край стола газету. — Ты это видел?

Джек всмотрелся в заголовок и был вынужден признать, что эту статью он еще не видел. Да и газетка была из тех, что больше любит сплетни, а не печатает что-то действительно серьезное, но заголовок все же привлек внимание: ««БЕЛЫЙ ЖИВЧИК» В АЛЛЕЕ СМЕРТИ: КРОВАВАЯ НАДПИСЬ СТАВИТ ПОЛИЦИЮ В ТУПИК!

Подзаголовок: Пока копы чешут затылки, убийца гуляет на свободе. Эксклюзивное фото с места преступления!».

И фото действительно было: чуть затертая надпись на

кирпичной стене. Сделано оно было не в ночь убийства, определенно. Да и не было там представителей прессы, тем более из бульварной газетенки «Стиллуотер Сенсейшн».

— Каким образом, Салли?

— Таким же, каким в газетенке радикалистов написали о том, что у нас в участке привязан пес-свидетель, а копы не могут найти убийцу. Кстати, где собака, Джекки?

— Напротив, у решетки, — отмахнулся Пирс и быстро просмотрел еще парочку изданий. — Салли, кто сливает инфу журналистам?

— Я могу только сказать, что я не сливаю, старый идиот, всегда отказывался от легких денег, а все потому, что терпеть не могу общаться с писаками! А остальные? Джекки, я не могу следить за парнями в нерабочее время. Ты же знаешь.

— Сливают все, кому не лень, я понял.

— Зачем пса в участок притащил? Думаешь, у нас есть средства, чтобы чинить еще один радиатор?

— Я привязал Чудище к решетке, не нервничай. И у меня тоже не бездонный кошелек, чтобы делать ремонт в квартире после того, как дог там порезвится от скуки.

— А мне казалось, что семейка Пирсов достаточно обеспечена.

— Да, семья обеспечена, — усмехнулся Джек, — но, как видишь, я не живу в фамильном особняке и вместо светских приемов по выходным предпочитаю проводить время в полицейском участке, вести расследования и нередко рыться в

помойках в поисках чужих секретов. Так что у меня не бездонный кошелек, и на этом тему закрыли. Где парни?

— Пирс, — Салливан, прищурившись, посмотрел на Джека, резко туша сигарету в переполненной пепельнице. — Ты время вообще видел? Рабочий день начнется только через полчаса.

Поняв, что приехал слишком рано, Джек спокойно скинул пальто, под недовольным взглядом Салли занял один из столов, сунул нос во все доступные папки. Хмыкнул, увидев в работе кого-то из парней дело о краже изумрудного браслета. К нему не далее как на прошлой неделе обратился сын пострадавшей леди, так как полиция все еще не нашла дерзкого вора, посмеявшегося снять браслет с руки обеспеченной дамы прямо посреди дня в ресторане. Шельмец так ловко сработал, что пропажу женщина заметила лишь полчаса спустя.

Через пятнадцать минут в кабинете уже стоял стойкий аромат табака, дерьмового кофе, резковатый запах одеколона одного из копов и недовольный гул голосов. Никто из парней Салли не проявлял восторга от газетных новостей. Из чего Джек сделал вывод — информацию слили не они. Это его обрадовало. А вот то, что никаких продвижений в деле нет не только у него, но и у копов, — нет.

Еще через двадцать минут в кабинет ворвался запоздавший Майкл Коулман, в куртке нараспашку, со сбившимся шарфом, с галстуком, торчащим из кармана брюк, и горящими от азарта глазами:

— Вы это видели? — буквально выкрикнул он, забыв поздороваться, и кинул на свой стол очередную прессу.

— Майк, — рыкнул Салливан. — Первое — ты опоздал. И второе — газеты успели прочитать все.

— Опоздал? Да, я опоздал! — Коулман говорил необычно громко, не обращая внимания, что практически кричит на Салли. — Конечно, опоздал! Как только Грэйс мне показала это, я вообще чуть про все на свете не забыл! Мне интересно, это написал сам убийца или они как-то связаны? С ума сойти!

Майк, скинув на стул куртку, вцепился в какой-то журнал и, свернув его, то и дело бил себя по ладони, все продолжая фонтанировать возмущением вперемешку с восторгом. — Да что там у тебя, — прогрохотал Рорк, подходя ближе. — Журнальчик? Майк, весь сыр-бор из-за какого-то журнальчика?

— Это периодика, — тут же треснул его тем самым журналом Коулман и ловко отскочил от быстрого на расправу ирландца. — Моя Грэйс оформила подписку и читает этот журнал каждую неделю. А сегодня утром показала мне историю. И я...

— Ты прочитал с утра какую-то сказку и из-за этого опоздал? — хмыкнул Салли.

— Да нет же! — Майкл что-то тихо буркнул, раскрыл журнал ближе к концу и, кинув его на стол, потребовал: — Читайте. Думаю, вам понравится.

Рорк, рыкнув что-то о сумасшедших влюбленных, предпочел вернуться на свое место. Салли на данный момент было важнее донести до Коулмана, что со старшим по званию необходимо общаться иначе. И даже несмотря на дружеские отношения, субординацию еще никто не отменял, и все такое прочее. А вот Джеку было не лень подойти к столу и прочитать историю, которая так взбаламутила молодого копа.

«ЗАГАДКА ЧЕРНОГО ВАЛА» Рассказ из цикла «Тени большого города» Автор: Лоуренс Грей

Из дневника инспектора Ломакса

«Черный Вал. Это место высасывает из тебя все соки даже днем, а ночью здесь и вовсе царство теней. Меня вызвали на место к трем утра. Переулочек, вонь, тусклый газовый фонарь и он — труп. Мужчина, лет сорока. Один точный удар под мышку. Работа профессионала... или очень удачливого дилетанта.

Рядом с телом сидел черный пес. Молчаливый свидетель, поводок которого туго обмотан вокруг запястья мертвеца. Пес не рычал, не бросался. Он смотрел. Его темные глаза, казалось, видели все. И в них читалось немое знание.

Первая зацепка — надпись на стене. Кривые, торопливые буквы, выведенные углем: «КРАСНЫЙ ЗНАК». Что это? Послание? Насмешка? Признание?

Вторая зацепка оказалась настолько очевидной, что поначалу я не поверил. Парень из ночного бара «Последний причал», что прямо напротив переулочка, пьяный, но вменяемый.

Он сел в такси, когда из переулка выбежал мужчина. Бледный, растерянный, в руках — окровавленный нож. Таксист даже окликнул его, спросил, все ли в порядке. В ответ незнакомец лишь дико посмотрел на него и... бросил нож в открытый люк. Прямо здесь, на улице. Будто хотел, чтобы его нашли.

Третья зацепка — сам нож. Мы извлекли его через пятнадцать минут. Отпечатки пальцев не стерты. Следы крови жертвы. Орудие преступления, подаренное нам, как на блюдечке.

Это не расследование. Это насмешка. Убийца оставил нам все: свидетеля, орудие, даже свое послание на стене. Он словно специально вел нас за собой. Но зачем? Чувство вины? Желание быть пойманным? Или это часть какого-то большого, изощренного плана?

Я стоял в том переулке, под взглядом безмолвного пса, и чувствовал, как по спине бегут мурашки. Мы ищем преступника, а он, кажется, уже пойман — пойман собственным отчаянием. И где-то там, в ночном городе, он ждет, когда мы постучим в его дверь. Самая странная часть? Мне кажется, он будет рад этому стуку...» Дочитав короткий рассказ всего на пару страниц, Пирс громко присвистнул. Колкие мурашки страха поползли у него по спине. Больше всего на свете ему сейчас хотелось воскликнуть: «Какого дьявола?!» — но вместо этого он прервал разошедшегося Салливана и, стукнув того по плечу, подсунул под нос журнал:

— Бруно, ты должен это прочитать!

— Что? Какого черта, Пирс?!

— Поверь, хоть раз в жизни послушай своих ребят, Майка, если уж не хочешь слушать меня. Ты действительно должен прочитать эту историю. Ну же, Салли, если тебе для чтения нужна особая атмосфера, мы с парнями выйдем на улицу. Я — за кофе, они — на перекур.

— Да пошел ты, малыш-Джекки, — недовольно рыкнул Салли и под короткие смешки копов выхватил журнал из рук Пирса.

Рычать ему расхотелось сразу после первых прочитанных строк. Высмеивать «трехгрошовую периодику» — спустя пару абзацев. А вот высказать всю степень своего охренения — примерно к середине текста. Но Салливан не проработал бы столько лет в полиции, если бы не умел держать себя в руках. Дочитав до конца, он медленно закрыл журнал, аккуратно положил его на край стола и только после этого позволил себе сорваться:

— Все! Ознакомились с творением мистера Грея? Нет? Отлично. Пять минут на изучение творчества писаки — и за работу! Рорк с Майклом едут проверять проклятый люк на предмет ножа. Донован, после увлекательного чтения отправляешься с ними, идешь в бар, есть там какой-то напротив Гнилушки, и интересуешься, вызывали ли той ночью кому-то из посетителей такси. Далее, Мастерсон и Шарп, вы мчитесь в издательство. Делайте что хотите, но чтобы уже

сегодня мы знали, кто скрывается под именем Лоуренс Грей, а также его адрес и как давно он работает. Ну а мы с тобой, Пирс, сейчас отправимся в библиотеку. Изучать подшивку вот таких вот журнальчиков. Мало ли, вдруг мистер Грей нам и другие убийства столь же мастерски «раскрыл», а мы и не в курсе!

Глава 6 Подозреваемая

Рэй Вейн стояла у окна, закутавшись в старенькую домашнюю шаль поверх пижамы, и наблюдала, как просыпается улица. Ее дом — один из тех таунхаусов в Даунтауне, что были построены в прошлом веке для служащих и мелких торговцев, — стоял вплотную к тротуару. Рядом, прямо за стеклом, проходила жизнь: спешащие на работу соседи, разносчик газет, толкающий перед собой тележку, шумная ватага детей, спешащая в школу.

Жизнь, за которой Рэй предпочитала наблюдать, стоя у окна. Она не любила выходить на улицу. И не потому, что ей не нравилось ощущение солнца на светлой коже или чувство, как свежий ветерок играет с прядями ее волос. Нет. Ей не нравились люди. Рядом с незнакомцами она чувствовала себя неуютно. Не понимала, о чем с ними можно говорить, как отвечать на улыбки, к чему все эти ничего не значащие фразы. Казалось, что весь мир живет по своим правилам, которые Рэй прекрасно понимала, но следовать им у нее не очень-то и получалось. Сталкиваясь с большим скоплением людей, как было иногда в магазине, девушка быстро уставала, ее начинали раздражать противоречивые эмоции, а желание сбежать домой и спрятаться за надежными стенами становилось почти непреодолимым. И при этом Рэй с удовольствием и огромным интересом следила за жителями Стил-

луотера с безопасного расстояния. Нет, она не проявляла излишнего любопытства, не бегала по ночам под окна соседей, не следила ни за кем с биноклем — ей такое даже в голову не пришло бы. Она просто любила в перерывах между своими делами, работой и отдыхом стоять вот так у окна и наблюдать за жизнью горожан. Да и не была Рэй Вейн такой уж затворницей. К ее сожалению, прожить всю жизнь совсем не имея контактов с внешним миром не получалось, это вопрос выживания. Но она, как могла, максимально отгородилась от активной социальной жизни. И дом, стоящий на Лексингтон-авеню, был ее спасением. Широкая тихая улица, засаженная старыми кленами. Днем здесь мало движения, по вечерам в окнах соседних таунхаусов зажигается свет. Островок спокойного достоинства в сердце делового города.

Отличный район, прекрасная улица. Рэй и правда думала, что ей повезло: опекун взял ее к себе в дом, а после смерти оставил его ей в наследство. Что немало удивило саму Рэй и привело буквально в ярость одну дамочку, которая очень уж рассчитывала на то, что сможет выкупить дом старика Артура Вейна вместе с имуществом, которое предположительно должно было уйти с молотка. Откуда такие фантазии появились в голове одной из соседок, Рэй понятия не имела. Да она про них и не знала бы, если бы не три беседы с адвокатом, который связался с ней по поводу наследства. Но как бы то ни было, трехэтажный таунхаус был ее. Точнее, два этажа из трех: первый этаж не принадлежал Артуру, там когда-то был

букинистический магазинчик. Его Рэй помнила плохо: она заглядывала туда иногда в первые годы жизни с Артуром, а потом хозяин магазинчика переехал в другой город, и вместо пыльных книг на первом этаже расположился цветочный магазинчик.

Он проработал лет пять, не больше, как оказалось, Лексингтон-авеню неподходящая улица для торговли. Слишком здесь было тихо. Жители старых таунхаусов предпочитали отдыхать после работы дома, а не бегать в цветочный магазинчик за букетиком-другим. По соседству с Рэй живут такие же простые люди, как она, — адвокаты средней руки, владельцы небольших магазинов, вдовы с наследством. Кому тут делать кассу в магазине цветов?

Да и, в общем, не было на их улице больших денег. Старые двухэтажные кирпичные здания, когда-то гордость среднего класса, теперь выглядели уставшими и немного обшарпанными. По городу ползли настойчивые слухи, что эти кварталы скоро пойдут под снос, уступая место безликим многоквартирным коробкам. Рэй ненавидела эти мысли. Этот дом был ее крепостью. Только повлиять на застройку Стиллуотера она никак не могла.

Шатенка с волосами цвета темного шоколада, чуть отросшими ниже плеч и сейчас собранными в небрежный пучок. Ее лицо с высокими скулами и чувственными губами обычно казалось сосредоточенным и чуть отстраненным, но сейчас, в утренних сумерках, оно было расслабленным. Боль-

шие карие глаза, обычно погруженные в вымышленные миры, с интересом следили за уличной суетой. При своем росте, чуть выше среднего, и худощавой фигуре Рэй двигалась с тихой, почти кошачьей грацией, будто боясь потревожить хрупкое равновесие своего уединения. Ей нравилась ее жизнь. Ее дом. И даже улица в предрассветных сумерках.

На подоконнике, свернувшись калачиком, грелась ее кошка — пятнистая уличная аристократка по кличке Гертруда, с надорванным в былых битвах ухом. Рэй провела рукой по

ее шелковистой шерстке.

— Смотри, Герти, опять тот пес у мясной лавки, — тихо проговорила она. — Наглец. Совсем распустился.

Гертруда, не открывая глаз, лишь брезгливо дернула хвостом. Она терпеть не могла собак, и после того как Рэй спасла ее от своры бродячих псов, это чувство только возросло. Теперь Герти будто поставила перед собой цель — прогнать всех бродячих псов со своей улицы. В конце концов, она теперь приличная женщина, домашняя кошка, а не какая-то там бродяжка. И возле своего дома она не потерпит каких-то жалких псов! Однажды Герти, которая вовсе не отличалась размерами, умудрилась обратить в бегство здорового ротвейлера, бросившись на него с дерева с диким воплем. Правда, она немного ошиблась и напала на пса одного из жителей Лексингтон-авеню, поэтому за псом лихо убегала и его хозяйка. Но Герти такие мелочи волновали мало. Пусть все собаки знают, что этот квартал, от сорок четвертого дома до шестидесятого, — ее территория. И мясная лавка, что находится почти напротив. И небольшой овощной магазинчик тоже!

Рэй, еще немного погладив кошку, отошла от окна. Ее день был расписан: несколько часов за пишущей машинкой над новой главой романа «Однажды, под сенью звезд». Роман, который она писала под псевдонимом Чарльза Экинса, сегодня нужно было поработать именно над ним. Завтра, вероятно, она возьмется за более серьезную свою книгу,

приключенческий роман, который писал не менее серьезный доктор исторических наук мистер Клайв Бенкли. А в еженедельник «Красная стрела», куда она отдавала свои небольшие истории под очередным псевдонимом — Лоуренс Грей, материал ушел уже четыре дня назад, так что теперь у Рэй есть неделя перерыва, прежде чем она должна будет написать еще один короткий рассказ в серию детективов про инспектора Ломакса. Так что сейчас она пойдет работать над романом, потом обед, а вечером — правка черновика. Перед работой как раз можно будет отдохнуть, понаблюдать, что нового происходит на улице.

Все же в таком образе жизни были свои плюсы. Мало что могло отвлечь Рэй от привычного распорядка дня. А книги ей вполне заменяли живое общение в большинстве случаев. Она не выписывала газет, не слушала радио. Ее мир ограничивался стенами этого дома, печатной машинкой, множеством книг и пластинок с аудиосказками, а еще активной перепиской с издательствами, с которыми она сотрудничала под разными именами. Пять лет она работает писателем, оставаясь, наверное, самым загадочным автором современности. Связь с издательствами она вела с помощью курьера, мистера Хиггинса. Никому другому она просто не доверяла. Этому мужчине ей посоветовал тот самый юрист с завещанием ее опекуна. Помог при их третьей беседе. Она спросила, не мог ли он ей посоветовать человека, которому можно доверять. Он порекомендовал работника адвокатской конторы,

который собирался уходить на пенсию и не стал бы отказываться от непыльной подработки время от времени.

Мистер Хиггинс был настоящим спасением для Рэй и пользовался ее полным доверием. Настолько, что издательства привыкли передавать ей чеки через этого мужчину. Вообще, Рэй искренне считала, что с мужчинами ей очень везет в жизни.

Она мало что помнила о своем детстве. Смутные образы, запахи, чувство незащищенности. Но вот опекуна... Артур Вейн был прекрасным человеком. Седой, худощавый, с большими очками, делавшими его глаза по-совиному огромными, он был очень добрым, бесконечно терпеливым и крайне щедрым с ней. Она прекрасно помнила их первое знакомство. Артур тогда горделиво распрямил спину, сверкнув глазами, представился:

— Мистер Артур Вейн, опекун, — но под взглядом Рэй он как-то быстро «сдулся», мило улыбнулся и добавил: — А еще меня можно называть дядя Арти, или просто Артур.

Позже Рэй не один раз смеялась, вспоминая их знакомство. Многим позже она выяснила, что ее опекун очень любил истории про короля Артура и рыцарей Круглого стола, и вообще он был тем еще фантазером, но при этом умел быть и очень требовательным. Это его умение проявило себя в обучении Рэй. Когда стало понятно, что в обычной школе девочке будет некомфортно — слишком тяжело ей давалось нахождение среди толпы других учеников, — Артур взялся

за ее образование сам. И за это тоже его можно было только поблагодарить.

Суровый, но справедливый мужчина дал своей подопечной очень много. А еще подарил ей пристанище и призрачную независимость. Сдавая второй этаж таунхауса — обычно тихим девушкам-студенткам или таким же одиноким работницам, как она сама, — Рэй обеспечивала себе скромное, но стабильное существование. А гонорары от издательств она старалась не тратить понапрасну, чтобы в такие периоды, как сейчас, когда верхний этаж пустовал и тишина в доме была абсолютной, ей было на что жить.

Сейчас, занимаясь своими делами, следуя привычному распорядку дня, Рэй и не подозревала, что четыре дня назад, ночью, под вдохновением, выводя на бумаге сцены для своего нового рассказа «Загадка Черного вала», она описывала жуткие убийства, переживания самого убийцы, его метания и рассуждения о том, хорошо он поступил или плохо, — и не потому, что так нашептывала ей муза.

Рэй даже не представляла, что с жуткой точностью воспроизвела детали дела, над которым бился весь семнадцатый участок. И Гнилой переулок, и точный удар левши, и огромного черного пса, и даже надпись на стене. Она никогда не могла бы подумать, что плоды ее творчества рано или поздно попадут на стол к сержанту полиции Бруно Салливану и он не только сам ознакомится с коротким рассказом, но еще заставит каждого из своих ребят ознакомиться с творче-

ством Лоуренса Грея, после чего полиция целые сутки искала таинственного писателя, подозревая в нем убийцу, опасного сообщника или как минимум того злодея, кто тщательно спланировал убийство!

Рэй Вейн никогда бы не подумала, что ее творчество может заставить взрослых, выдавших виды копов несколько раз спускаться в канализацию в поисках окровавленного ножа — орудия убийства. Что еще один офицер будет искать того самого таксиста, что приезжал ночью к бару «Красный ручей», и, исходя из написанного в «Красной стреле», был свидетелем и мог бы опознать убийцу. Рэй даже в страшном сне не могла бы увидеть, как Салливан, коп с огромным опытом работы и уже порядком уставший от нее, сидит ночь напролет в архиве главного управления городской полиции и сверяет все истории в годовой подшивке журналов с ее работами с нераскрытыми делами за последнее время. И как, находя точные описания мест преступления и способов совершения убийств — даже самые нелепые, такие как удушение резиновой строительной прокладкой, удушения, не наружного, — чертову резину обнаружил судмедэксперт во время вскрытия в дыхательных путях.

И тем более Рэй и представить не могла, какой бранью разразится Салли, когда обнаружит эти совпадения.

Если бы она все это знала, то, конечно, не удивилась бы, увидев рядом со своим домом полицейский «Форд». Она как раз стояла с кружкой чая в руках в гостиной, размышляя,

стоит ли идти готовить сейчас или обойдется сегодня вечером творогом, парой тостов и прекрасным черничным конфитюром.

За бравыми полицейскими, которые куда-то направились, более не доступные для наблюдения, Рэй и не думала следить. Она и вовсе не хотела о них думать, пока ее входная дверь не затряслась от ударов.

Стук в дверь прозвучал для нее как выстрел. Сердце ушло в пятки от испуга. Отставив недопитый чай, девушка поспешила ко входу. Через глазок она увидела двух крупных мужчин в плащах, и ее сразу же пронзил животный, иррациональный страх. Она боялась мужчин. Боялась их громких голосов, резких движений, неожиданного внимания. И их агрессии. Те, что стояли на ее крыльце, выглядели очень агрессивными!

Дверь снова содрогнулась от сильных ударов мощного кулака одного из незнакомцев. Коренастого, широкоплечего, с неаккуратной щетиной на мрачном лице.

— Открывайте, полиция! — проскрипел он, как только прекратил пытаться испортить ее имущество.

Собравшись с духом, Рэй открыла дверь и столкнулась с двумя мрачными офицерами.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась девушка, переводя испуганный взгляд с одного мужчины на другого.

— Мисс Вейн? — суровый незнакомец с уставшим лицом показал ксиву. — Сержант Салливан, участок номер семна-

дцать. Вам необходимо проехать с нами. Прояснить некоторые вопросы.

Рэй хотелось захлопнуть дверь, запереться, спрятаться в самом дальнем углу дома и никогда не видеть этих незнакомцев, от которых так и веяло опасностью. Однако она лишь коротко кивнула, стиснув зубы, расправила складки простого коричневого платья и направилась к вешалке. Механически, ведомая глубоким внутренним сопротивлением и страхом, она накинула на плечи свою любимую, невероятно объемную шаль цвета увядающей розы — свой главный защитный талисман, — взяла из тумбы документы и вышла на улицу, попав под холодные капли дождя и любопытные взгляды соседей.

Дорога до участка прошла в оглушительной тишине. Рэй сидела на заднем сиденье «Форда», кутаясь в шаль и глядя в окно, не видя ничего. В ее привычном мире, таком уютном и безопасном, неожиданно начали сыпаться стены. Как оказалось, то, что выглядело надежным и призванным защищать Рэй, было лишь иллюзией, и один стук в дверь смог если не сломать всю внутреннюю уверенность девушки, то изрядно ее пошатнуть. От полицейских, сидевших на передних сиденьях, исходила весьма ощутимая угроза, и Рэй все никак не могла понять, что могло произойти, что эти двое явились к ней в дом. Нет. Не так. Явились за ней. Кому она могла помешать? А главное, что могла сделать, практически не выхо-

дя из дома?

В участке, в просторном кабинете, где работали шестеро офицеров, все стало еще хуже. Воздух здесь был густым и спертым. Пахло потом, немного кофе, под потолком буквально висела дымовая завеса от количества выкуренных в кабинете сигарет, а сквозь эти ароматы едва ощутимо пробивался и вовсе странный запах влажной шерсти. Ее усадили на стул рядом с одним из столов. За сам стол сел широкоплечий коренастый офицер, представившийся Декланом Рорком, напротив Рэй встал Бруно Салливан. Остальные мужчины в помещении хоть и делали вид, что заняты каждый своим делом, но получалось у них плохо — настолько, что Рэй с каждой секундой чувствовала их возрастающее внимание к своей персоне.

Перед девушкой положили журнал «Красная стрела», раскрытый на странице с ее рассказом. Салливан, скрестив руки на груди, хмуро поинтересовался:

— Мисс Вейн, историю о Черном вале написали вы?

— Да. — Рэй удивленно захлопала глазами, осматривая всех присутствующих.

— То есть вы подтверждаете, что имеете непосредственное отношение к этому тексту?

— Ничего не понимаю, — судорожно поправив на плечах

шаль, Рэй чуть нахмурилась. — Да, это мой текст.

— И Лоуренс Грей, я так понимаю, ваш псевдоним, верно?

— Да. — Рэй Вейн снова поправила шаль на плечах, скорее кутаясь в нее, ища хоть какой-то защиты от сурового взгляда требовательного копа. — А в чем дело?

— Дело в том, мисс Вейн, что в вашей истории слишком подробно описано место убийства, способ убийства, оружие, собственно, убийства и даже надпись на стене. А теперь скажите мне, каким образом вы смогли так подробно описать преступление?

— Извините, офицер...

— Сержант!

— Хорошо, — покладисто согласилась Рэй, — сержант Салливан, придумывать истории и хорошо их описывать — моя работа. Четыре дня назад, м-м... Да, четыре дня назад ночью ко мне пришло вдохновение, и я села за работу. Утром очередной рассказ из серии был уже готов.

— Да, как и труп в Гнилом переулке! — рыкнул Салли, чувствуя, что девушка перед ним издевается над всеми присутствующими в комнате. Вдохновение! Не выдержав, он даже вслух повторил это идиотское слово.

— Хорошее же у вас вдохновение на убийство людей! — Какое убийство? — растерянно пролепетала Рэй. — На бумаге? — На бумаге? — зло рыкнул Рорк, и рядом с Рэй легла одна из газет с большим заголовком. — Читайте! Взяв дро-

жащей рукой газету, Рэй быстро пробежалась взглядом по статье и с каждым прочитанным словом она становилась все бледнее. — Это какая-то шутка? — закончив читать, спросила она. — Шутка? Обвинение в убийстве для вас шуточ-ки?

Салли, прищурившись, строго посмотрел на девушку перед ним. Мисс Вейн сидела, цепляясь за нелепую огромную шаль, и огромными испуганными глазами смотрела на него. «Хорошо играет, чертовка», — зло подумал Салливан и, достав пачку, прикурил очередную сигарету. Струйка сизого дыма медленно потянулась от кончика вверх, вырисовывая причудливые узоры. Это был один из тех моментов, когда время будто становится резиновым и можно увидеть такие мелочи, на которые обычно не обращаешь внимания. Сейчас огромные карие глаза внимательно наблюдали, как сигарет-ный дымок вьется вокруг грубой мужской руки. А серые гла-за Салли следили за их подозреваемой. Он очень четко уви-дел тот момент, когда до девушки дошло, что именно он ей сказал. Она вскинула голову, с ужасом посмотрела на Бруно и начала молча открывать и закрывать рот, не в силах про-изнести ни слова.

Один едва заметный сигнал — и начался прессинг. Салли, Рорк и еще пара офицеров обступили девушку, и вопросы посыпались на нее градом. — Где вы были в ночь убийства? — Кто может подтвердить ваше алиби? — Откуда вы знали про собаку? — Что значит, вы не знали про убийство? —

Кто рассказал вам о произошедшем? — Это вы планировали преступление? — Кто видел вашу рукопись? — Кто имеет доступ к вашим историям до публикации? — Кто ваш сообщник? — Как часто у вас приходит такое вдохновение?

И еще множество вопросов. Какие-то были с четким прицелом получить ответ по делу, какие-то — нелепыми, просто череда вопросов, призванная сбить девушку с толку, несколько вопросов были откровенной провокацией.

Рэй с каждым вопросом все отчетливее вздрагивала и вжималась в спинку стула, стараясь стать как можно меньше и незаметнее. Она чувствовала, как ее ответы, путанные, сбивчивые, вызывают раздражение у мужчин. Их голоса становились все громче и жестче, а Рэй в ответ лишь путалась еще больше. — Я была дома, одна. — Сама все придумала. — Это моя работа. — Дома, да. Одна живу. — Я не знаю, кто имеет доступ. — Никого не убивала...

Ее тихие ответы лишь раздражали их. Рэй буквально чувствовала, что ее уже считают виноватой, чувствовала и повисшее напряжение в кабинете, как и подавляющую энергетику мужчин. Ей было душно, в висках стучало, она хотела, чтобы все это закончилось. И только одно желание становилось все сильнее — стать невидимкой.

Офицеры полиции тоже не были дураками: они видели, как с каждым их вопросом девушка замыкается, уходит в неосознанку, совсем прекращает отвечать. И Рорк разозлился. Ирландская кровь кипела, не давая стоять на месте. Он

сделал лишь один шаг к подозреваемой, один-единственный шаг, чтобы испугать, а та уже дернула руками, прикрывая лицо. Тихий вскрик сорвался с ее губ... а следом по кабинету прокатился угрожающий рык. Рорк замер под взглядом черного дога. Чудище медленно подошел к стулу, на котором сидела беззащитная с виду девушка, и встал боком, между Рэй и Рорком, закрывая ее собой. Его мощное тело стало живым щитом. И только когда взгляды скрестились на псе, из его груди вырвалось низкое, предупреждающее ворчание, адресованное копам.

В кабинете на мгновение воцарилась ошеломленная тишина. Даже Салливан замолчал, пораженный. В этой тишине от дверей раздался насмешливый и знакомый голос: — И как вас оставить хоть на час? Салли, что происходит? Я же просил подождать. А вы что устроили?

Бруно, увидев Пирса, молча закатил глаза. Он не решился повысить голос на Джека, когда рядом стоял скалящий зубы пес. Хотя ему очень хотелось это сделать. Зачем Пирс подрывает его авторитет перед такой очевидной, пусть даже косвенной, соучастницей преступления? — Не нужно на меня так смотреть, старик, — Пирса не смущали недовольные взгляды Бруно. — Ты хоть понимаешь, как вы выглядите со стороны? Злые копы, которые поймали своего убийцу, и теперь готовы выбивать признания из хрупкой девушки. Да посмотри на нее, она же бледнее моей рубашки! Джек стоял, прислонившись к косяку, в своем бежевом пальто, с

чуть сдвинутой на затылок шляпой. На его лице играла та самая раздражающая Салливана уверенная улыбка. Парни в семнадцатом работали в общем-то неглупые и, видя настроение Пирса и зло скрипящего при его появлении Салливана, поняли, что пока папочка с мамочкой будут выяснять отношения, им рядом с мисс Вейн делать нечего. Поэтому медленно, стараясь не нервировать пса, они разошлись по своим местам. А когда рядом с писательницей освободилось место, Джек, оттолкнувшись от косяка, вошел в кабинет. Он спокойно подошел, потрепал по холке и легким движением подвинул огромного пса.

— Молодец, Чудище. Слабых всегда нужно защищать. Дождавшись, когда пес вытянется на полу в нескольких метрах от стола, Джек наконец смог сосредоточиться на девушке. Она была симпатичной, хотя и излишне запуганной, дрожащей, как осенний лист на ветру. Девушка куталась в свою шаль, словно ища в ней защиту. Но разве тряпка может спасти от копов? Это смешно. Джек внимательно рассматривал Рэй Вейн и не мог понять, как такая девушка может быть связана с убийством. В ней не чувствовалось нужных качеств. Она сама была жертвой, вела себя и воспринималась именно так. Салли совсем не обязательно было устраивать показательные выступления, чтобы девчонка начала говорить. Наоборот, они лишь напугали ее, что заставило мисс Вейн замкнуться. Грубая работа. Джек чуть не сплюнул на пол, но воспитание не позволило.

Пирс не стал нависать над Рэй, а, наоборот, подошел к ней еще на пару шагов и опустился на корточки перед ее стулом. Это позволило их взглядам встретиться на одном уровне. Его голубые, ясные глаза смотрели на нее с искренним интересом и легким сочувствием, без тени подозрения.

— Мисс Вейн? — его голос был тихим и спокойным, после криков копов он звучал умиротворяюще. — Меня зовут Джек Пирс. Я частный детектив. Кажется, здесь произошло небольшое недоразумение. Мы можем с вами поговорить?

Рэй, все еще дрожа, сжавшаяся в комок, медленно подняла на него глаза. На фоне нервных, злых мужчин в униформе этот красивый, улыбающийся человек в элегантном пальто не вызывал у нее страха. С ним было... безопасно. Она на мгновение прикрыла глаза, пытаясь успокоиться, и, собрав волю в кулак, медленно и почти нес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.